

Валерий ШАШИН

КЛУБОК
Пьеса в двух действиях

Москва
Издательство «БПП»
2009

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БЕЛЫЙ

ЧЁРНЫЙ

ВАТУЕВ Николай Олегович

ОЛЬГА Ватуева, его жена

АНДРЕЙ Ватуев, сын

ВАЛЯ, подруга дома

КАТЯ, её дочь

АРКАДИЙ, напарник Ватуева и друг дома

Действие происходит на даче, в офисе и квартире ВАТУЕВА.

По мере надобности все эти помещения трансформируются одно в другое.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гаснет свет в зале, и всё погружается в темноту. Кто-то, едва различимый, прочищает горло, а затем весьма недурственно выводит:

«Уж полночь близится, а Германа всё нет»...

БЕЛЫЙ (*ворчливо*). Здесь я. Только вляпался во что-то.

ЧЁРНЫЙ. Известно во что.

БЕЛЫЙ. Не умничай, тебе это не идёт.

ЧЁРНЫЙ. Хорошо, не буду.

Что-то опрокидывается, гремит, звенит...

БЕЛЫЙ. Ах ты, чёрт!.. Хоть бы свет зажёл! Впотьмах сидишь!

ЧЁРНЫЙ. Да мне как-то без надобности.

БЕЛЫЙ. Зажигай, зажигай! По-людски надо, по-человечески...

ЧЁРНЫЙ. Да будет свет! (*С шутливым оправданием.*) Это не я сказал.

Вспыхивает свет. ЧЁРНЫЙ и БЕЛЫЙ оглядывают друг друга. ЧЁРНЫЙ одет с изыском, БЕЛЫЙ — затрапезно.

БЕЛЫЙ (*неприятно*). Щеголяешь всё?

ЧЁРНЫЙ. А ты опрощаешься?

БЕЛЫЙ. Да уж пыль в глаза не пускаю, как некоторые...

ЧЁРНЫЙ. По-моему, наоборот.

БЕЛЫЙ. Чего наоборот?

ЧЁРНЫЙ. Насчёт пыли. Такие лапсердаки уже лет двадцать не носят.

БЕЛЫЙ. А я ношу. Тридцать уже ношу и ещё, Бог даст, буду. (*Нервно отряхивает рукав, из которого выбивается облачко пыли.*)

ЧЁРНЫЙ. Бога напрасно приплёл. Ибо сказано: «красотой спасётся мир!» (*Поднимает со значением указательный палец, а затем отщёлкивает и сдувает с плеча невидимую соринку.*)

БЕЛЫЙ (*неприятно*). Ты это... начинать давай!

ЧЁРНЫЙ. Вот, говоришь, по-людски надо, по-человечески... А мы даже «здравствуйте» друг другу не сказали, сразу — начинай!

БЕЛЫЙ. Может, поцелуемся ещё?

ЧЁРНЫЙ. А почему бы и нет? Обнялись бы, как братья... и растворились бы друг в друге... ты — во мне, я — в тебе...

БЕЛЫЙ. И что стало бы?

ЧЁРНЫЙ. Да уж стало бы что-нибудь!

БЕЛЫЙ. Что-нибудь нам не надо.

ЧЁРНЫЙ (*картавя*). Верной ли дорогой идёте, товарищ?

БЕЛЫЙ. Ну, будя сказки баить! Сдавай-ка лучше!

ЧЁРНЫЙ. Чёрствая ты, в сущности, сущность, непокладистая. (*Протягивает невидимую колоду карт.*) Снимай уж!

БЕЛЫЙ. Сказал же: по-людски надо, по-человечески...

ЧЁРНЫЙ. С комфортом, стало быть, желаете! Тогда извольте сюды пожаловать...

По мере их продвижения свет перемещается, и становится видна комната, где перед разложенным диваном, на котором кто-то спит, стоят журнальный столик, кресла. В них БЕЛЫЙ с ЧЁРНЫМ и усаживаются. У ЧЁРНОГО в руках появляется колода больших карт с чёрно-белой рубашкой в полоску. ЧЁРНЫЙ протягивает её БЕЛОМУ, тот снимает. ЧЁРНЫЙ начинает сдавать.

БЕЛЫЙ *(кивая на спящего)*. Аки агнец невинный.

ЧЁРНЫЙ *(хмыкая)*. Нашёл барашка!

БЕЛЫЙ. Тебе хоть жалко его маленько, аль совсем нет?

ЧЁРНЫЙ. Клиент живёт полной жизнью, берёт всё, что дают, а что не дают, того сам добавляет. *(Кончив раздачу, потирает руки.)* По-людски, значит? Давай по-людски! *(Берёт графинчик.)* Тебе до краёв или по донышко?

БЕЛЫЙ *(терпеливо)*. Ты же знаешь, не отравляюсь я этим зельем.

ЧЁРНЫЙ *(наполняя свой фужер, с участием)*. Так и не развязал?

БЕЛЫЙ. И не развяжу, не надейся. Несчастье Руси есть питиё!

ЧЁРНЫЙ. Неверно цитируешь.

БЕЛЫЙ. Верно! В том и печаль что верно. Эх, ха-ха... *(Собирает карты и с видимым трудом, потому что тяжёлые, отрывает их от стола, разглядывает.)* Вот так насадал! Да как же играть-то с такими?

ЧЁРНЫЙ. Ну, уж не взыщи... *(Отпивает коньяк.)* Чистый Арарат, понимаешь! *(Тянется к картам.)* Поглядим, что мы себе сдали? *(Так же, как и БЕЛЫЙ, с видимым трудом поднимает карты.)* Ну, что ж? Не так уж и плохо для первого разу... Ходи, дорогой, ходи!

БЕЛЫЙ. Ходи! Было бы с чего...

ЧЁРНЫЙ. С чего-нибудь и ходи. А лучше, сразу сдавайся.

БЕЛЫЙ. Русские не сдаются. *(Поднимает карту, которая вместе с рукой тяжело, со стуком, падает на стол.)*

ЧЁРНЫЙ. Крепко пошёл. С тобой, я вижу, намашешься. *(Кладёт карту.)*

БЕЛЫЙ. А кто обещал, что легко будет? *(Ходит своей картой.)*

Идёт осязаемо, осязаемо тяжёлая игра, перемежаемая вольными междометиями. В это время просыпается спящий на диване ВАТУЕВ. Он приподнимается, удивлённо и непонятливо наблюдает за игроками, которые его и вовсе не замечают.

ЧЁРНЫЙ. А ежели вот так!.. *(Кладёт последнюю карту, смеётся.)*

БЕЛЫЙ. Рано радуешься, душегуб. *(Накрывает карту своей.)*

ЧЁРНЫЙ *(разочарованно)*. Это, что же? Зря, выходит, шлепались?

БЕЛЫЙ. Не зря! *(С удовольствием потягивается.)* Не зря!

ЧЁРНЫЙ. Где ж это я, раззява, прошляпил?

БЕЛЫЙ. Известно, где — в главном.

ЧЁРНЫЙ. Не умничай, тебе это не идёт.

БЕЛЫЙ. Хорошо, не буду. *(Смеётся.)*

ВАТУЕВ. Ребята! *(Садится.)* Я, конечно, дико извиняюсь, но я вам не мешаю?

БЕЛЫЙ. Встрепенулся, родимый! Сладко спишь, однако, мордан!

ВАТУЕВ. Это вы мне?

ЧЁРНЫЙ *(ласково)*. Где же и не поспать как во сне, правда?

БЕЛЫЙ *(собирая карты)*. Ничего. Пора уже и очухиваться.

ЧЁРНЫЙ. Третьим будете, Николай Олегович? Соглашайтесь!

БЕЛЫЙ. Думаешь, на лапу тебе играть станет?

ЧЁРНЫЙ. Зачем же? У них и свой разум имеется.

БЕЛЫЙ. Если бы имелся, мы с тобой здесь не сидели бы.

ЧЁРНЫЙ. Ну, знаешь, ты ему тоже не нянька!

БЕЛЫЙ. А кто ж я ему? Нянька и есть. *(Треплет ВАТУЕВА по щеке.)* Правда, мордан?

ВАТУЕВ. Руки! *(Дергает головой.)*

БЕЛЫЙ *(миролюбиво)*. Не гоношись!

ЧЁРНЫЙ *(БЕЛОМУ)*. Объяснить же человеку надо! *(ВАТУЕВУ.)* Как бы это подходчивее... Игра, стало быть, у нас... по вашу душу... Он *(показывает на БЕЛОГО)* вроде как за вас...

БЕЛЫЙ. Не вроде, а именно! *(ВАТУЕВУ.)* За тебя, мордан, за тебя! *(Тянется опять потрепать ВАТУЕВА по щеке, но тот негодованием уклоняется.)*

ЧЁРНЫЙ. Я, разумеется, тоже, но в своем роде... *(БЕЛОМУ.)* Вот и получается, что мы оба вроде. И оба за вас. Только он в своем роде, а я в своём. Пойдем далее... На картишках этих, соответственно, вся ваша жизнь... в прошлых, настоящих и даже будущих вариациях... Мастей нет, козырей нет, чины тоже отсутствует... Главное, чтобы твоя карта на другую легла и собою её накрыла, да так, как если бы той нижней и вовсе не было, чтобы она, подлая, поверху не проступила. Ну а дальше всё просто: у кого взяток больше, тот и победил. Вопросы есть?

ВАТУЕВ. Нет. *(Привстает.)* А теперь быстро и внятно: кто вас прислал? Ну?!

ЧЁРНЫЙ *(БЕЛОМУ)*. Без вразумления, видимо, не обойтись.

БЕЛЫЙ. Да, видимо, придётся. *(ВАТУЕВУ.)* В лоб али по лбу?

ВАТУЕВ. Чего?!

БЕЛЫЙ. Во имя Отца и Сына *(Крестит и неожиданно кулаком пристукивает ВАТУЕВА по лбу. Тот застывает с открытым ртом.)* и Святого Духа!

ЧЁРНЫЙ. А это от имени нашей партии... *(Влепляет ВАТУЕВУ щелбон, наклоняется к нему и картавит.)* Как себя чувствуете, товарищ?

ВАТУЕВ *(приходя в себя)*. Отлично чувствую! *(Отвешивает ЧЁРНОМУ оплеуху.)* А вы?..

БЕЛЫЙ *(восхищенно)*. Молоток, парень! Моло...

Получает свою оплеуху.

ВАТУЕВ *(хватает обоих за воротники, встряхивает.)* А теперь как на духу: кто вам меня заказал? Быстро?!

ЧЁРНЫЙ. Я же вам объяснил...

ВАТУЕВ. По мою душу, говоришь, явились? *(Встряхивает ЧЁРНОГО.)* По душу?!

БЕЛЫЙ *(недоумённо)*. Ты на кого руку поднял?

ВАТУЕВ. Сейчас узнаем... *(Встряхивает и БЕЛОГО.)* Ну?!

ЧЁРНЫЙ *(пищит)*. В картишки перекинуться... в открытую, так сказать...

ВАТУЕВ. В открытую? *(БЕЛОМУ.)* Складно звонит твой кореш!

БЕЛЫЙ *(хрипит)*. Не кореш он мне... Пусти...

ВАТУЕВ. Жажнуть бы вас лбами, чтоб искры посыпались! *(Разглядывает беспомощных в его руках БЕЛОГО И ЧЁРНОГО и передумывает.)* Ладно *(отпускает обоих)*, сыграем в открытую! Только предупреждаю: просто так я не дамся!

БЕЛЫЙ. Да ты хоть соображаешь, кто мы такие?

ВАТУЕВ. Игра покажет! *(ЧЁРНОМУ.)* Кому сдавать?

ЧЁРНЫЙ *(кивает на БЕЛОГО)*. Ему, его сдача.

ВАТУЕВ *(БЕЛОМУ)*. Ну, и кого мы ждём?

ЧЁРНЫЙ (БЕЛОМУ). Сдавай, корефан, сдавай... (Подвигает к нему свои карты.)

БЕЛЫЙ. Не корефан, я тебе! (ВАТУЕВУ.) А ты, Коля!.. Я тебе так скажу!.. (Передумывает.) Ладно, после!.. (Начинает тасовать карты. Недоуменно вопрошает.) За кого стоим? (Крутит шей.) Не понимаю!

ЧЁРНЫЙ (ВАТУЕВУ). А в нашем ведомстве никем не брезгуют, ибо сказано: «кто был никем, тот станет всем»! Я тут вашим коньячком пробавляюсь без спросу... Ничего? По уху не жахните?

ВАТУЕВ. Не надо было в лоб бить.

ЧЁРНЫЙ. Это он в лоб, а я по лбу...

ВАТУЕВ. Вот и я вас по ушам! Чтоб крепче на макушке держались. Ага?

БЕЛЫЙ. Много ты понимаешь, ага! Мы же тебя вразумить хотели!

ЧЁРНЫЙ. Чтобы побыстрее дошло!

ВАТУЕВ. Вразумили?

ЧЁРНЫЙ. Так сидим же вроде... каждый в своём роде...

ВАТУЕВ. Вот именно... сидим! Вместо того чтобы играть...

БЕЛЫЙ. А ты не спеши, оглядись, подумай, прежде чем в игру соваться... всё-таки, душа...

ЧЁРНЫЙ. Не дырка от бублика.

ВАТУЕВ. Вы меня пугаете, что ли?

БЕЛЫЙ. Остерегаю, дурень!

ЧЁРНЫЙ (примирительно). Ведь запросто проиграться можно.

ВАТУЕВ. А выиграть?

ЧЁРНЫЙ. И выиграть, конечно. В нашем деле ведь как? Или пан или пропал.

ВАТУЕВ. Что наша жизнь? Игра.

ЧЁРНЫЙ (БЕЛОМУ). Наш человек! Из одних первоисточников черпаем.

БЕЛЫЙ. Не игра, а подвиг! Причём, каждодневный, ежеминутный!

ЧЁРНЫЙ. Это уж кому как нравится. (ВАТУЕВУ.) Готовы ли на подвиг, уважаемый?

ВАТУЕВ (не сразу). А я смогу себе помочь? Реально?

ЧЁРНЫЙ. Реально — стараться надо.

ВАТУЕВ. Как же не стараться? За себя-то, за собственную душу?

ЧЁРНЫЙ. Так ведь стараться же надо! (БЕЛОМУ.) Сдавай, милоч...

БЕЛЫЙ. Какой я тебе милоч? (ВАТУЕВУ.) А насчёт старания... это он верно... надо!

Начинает сдачу.

ВАТУЕВ (в волнении). Вы позволите? (Тянется к графину.)

ЧЁРНЫЙ. И мой фужерчик не обижайте, пожалуйста...

БЕЛЫЙ (ВАТУЕВУ, указывая на графин). Этим зельем душу не спасёшь.

ВАТУЕВ. Я тридцать граммов только...

ЧЁРНЫЙ. Для храбрости. (Вздыхает.) Не на щелбаны ведь играем...

ВАТУЕВ (берёт карты, удивлённо, с почтением). Тяжёлые!

ЧЁРНЫЙ. Так ведь недаром сказано: отягощена жизнь...

БЕЛЫЙ. Заколебал, блин, цитатами... Уймись!..

ЧЁРНЫЙ (ВАТУЕВУ). Не любит он, когда при его темноте моя образованность сияет. (Берёт карты, вздыхает.) Да куда ж её денешь, ежели она так и прёт, так и прёт...

ВАТУЕВ. Что-то не верится, что вы оттуда... (Показывает в небо.)

БЕЛЫЙ с ЧЁРНЫМ переглядываются.

ЧЁРНЫЙ (*БЕЛОМУ*). А всё ты зёрна недоверия сеешь... Прибыл бы, как подобает, в светлых одеждах...

БЕЛЫЙ. Ага! А ты с хвостом под мышкой!

ЧЁРНЫЙ. Хвостов уже давно не носят — атавизм. (*ВАТУЕВУ*.) Неужели я вас тоже не устраиваю?

ВАТУЕВ. Да не психуйте вы! Я же просто так сказал.

БЕЛЫЙ. На будущее, Колян, запомни: каких заслужил, таких тебе и прислали.

ЧЁРНЫЙ (*солидарно*). И ходите-ка лучше, Николай Олегович, ходите!

ВАТУЕВ (*растерянно*). Я, да?.. Мне?.. Мой ход?..

Поднимает в раздумье карту. Она вырывается и с тяжёлым стуком падает на стол. Окно распахивается, и с ворвавшимся в него ветром гаснет свет. Что-то падает, гремит...

ВАТУЕВ. Кто там? Кто?!

Вошедший — виден силуэт — молчит. ВАТУЕВ, что-то опрокинув, включает фонарик, ищет и находит лучом застывшую фигуру.

ВАТУЕВ (*недоверчиво*). Оля?.. Оля?!

Направляет луч прямо в лицо.

ОЛЬГА (*заслоняется рукой*). Убери, пожалуйста...

ВАТУЕВ. Что случилось? (*Идёт в трусах к выключателю*.) С Андрюшей что? (*Включает свет*.) Не молчи же, Оля!..

ОЛЬГА. Всё в порядке, не волнуйся. Ты один?

ВАТУЕВ. О-о... (*Оглядывается*.) Один! (*Оглядывается*.) Ты же видишь!

ОЛЬГА. А почему оглядываешься?

ВАТУЕВ. Не знаю... Сон был... Ты почему здесь?! Боже мой! Сколько времени? (*Находит на столе часы, смотрит*.) Половина двенадцатого... Половина двенадцатого, Оля?! Почему ты здесь?! (*Всматривается в ОЛЬГУ*.) Правда, ничего не случилось?

ОЛЬГА. Правда. Я по дороге... Дай, думаю, заскочу...

ВАТУЕВ. По дороге? По какой дороге, Оля?

ОЛЬГА. Мы с Аркашей... катаемся...

ВАТУЕВ. С Аркашей? Ничего не понимаю... Дай хоть штаны надену... (*Находит штаны, одевается*.) Что, значит, с Аркашей? Он тоже здесь... Аркаша?

ОЛЬГА. Он в машине. (*Показывает на стол*.) У тебя кто-то был?

ВАТУЕВ. В каком смысле? (*Оглядывается*.)

ОЛЬГА. В прямом! Два фужера...

ВАТУЕВ. Это... Впрочем, неважно... Ты почему приехала?

ОЛЬГА. Так ты один?

ВАТУЕВ. Да нет здесь никого! Стаканы и стаканы! Ты зачем приехала, спрашиваю?

ОЛЬГА. А что нельзя? (*Обходит помещение, поворачивается*.) Нельзя, да?

ВАТУЕВ. Можно. Но зачем? (*Колеблясь, выбирает один из фужеров, подозрительно нюхает содержимое*.) Ты же сюда не приезжаешь?

ОЛЬГА (*устало садится*). Налей и мне... капельку... в чистый только... (*ВАТУЕВ наливает в чистый фужер, подаёт*.) Спасибо.

ВАТУЕВ. Пожалуйста. Может, наконец, объяснишь цель, так сказать, своего внезапного визита? Чем обязан?

ОЛЬГА. Господи, как противно!..

Садится.

ВАТУЕВ (*догадывается*). Не может быть... Оля! (*Пытливо на неё глядя.*) Ты ли это, Оля?

ОЛЬГА (*уклоняясь от его взгляда*). Я. Наверное. (*Встаёт.*) Так ты здесь, правда, один?

ВАТУЕВ. А кто здесь может быть, Оля? Да и вообще— кругом одни соседи!

ОЛЬГА (*усмехается*). По соседям я ещё не ходила. (*Агрессивно.*) Знаешь, сколько тебя нет дома? Два месяца!

ВАТУЕВ. Не может быть!

ОЛЬГА. Может. (*Горько.*) Ладно, пойду я...

ВАТУЕВ. Подожди! (*Подходит, обнимает.*) Ну что за глупости? (*Отстраняет, заглядывает в лицо.*) А?

ОЛЬГА (*отворачиваясь*). Ты мне лучше честно скажи...

ВАТУЕВ. Да что говорить-то?! Это Аркан тебя надоумил, да?

ОЛЬГА (*пугаясь*). Что ты?! Наоборот! Он отговаривал! Это я сама, дура, его упростила...

ВАТУЕВ. А он и рад стараться! Ладно! (*Прижимает ОЛЬГУ к себе.*) Я тоже хорош! Два месяца! Неужели два месяца? Безобразие! Завтра же приеду... Я тоже по тебе соскучился...

ОЛЬГА. Так я тебе и поверила. (*Прижимается.*) У тебя, правда, никого нет?

ВАТУЕВ. Ну, кто, кто у меня может быть, Оля? Тем более здесь... Тут же Валя, Катя...

ОЛЬГА. Не знаю. Значит, я тебе не нужна... Если два месяца... Прежде ты...

ВАТУЕВ. Устаю очень, Оля! Работа, суета, не ладится кругом ни черта, настроение какое-то... Потом, старый стал... Слушай, совсем старый!

ОЛЬГА. Хорошо, хоть по телефону не забываешь звонить...

ВАТУЕВ (*обнимает ОЛЬГУ*). Оленька моя, Ольгущечка! Ворвалась... обыскала... расплакалась... Ну, не глупая ли баба, а?

ОЛЬГА. Я не баба. И не расплакалась. Просто нехорошо мне, Коля... тревожно отчего-то...

ВАТУЕВ (*прижимая ОЛЬГУ*). И сейчас нехорошо? И сейчас?

ОЛЬГА. Пойду я...

ВАТУЕВ. А может, останешься? Давай, а, оставайся? Зачем тебе ехать?

ОЛЬГА (*неуверенно*). А как же Аркаша? Что он подумает?

ВАТУЕВ. А что он подумает?! Мы, между прочим, муж и жена. (*Повышает голос.*) Вот что я подумаю про ваши ночные катанья?

ОЛЬГА. Перестань! Ещё услышит...

ВАТУЕВ. И пусть слышит! (*Обнимает.*) Не отпущу тебя. Всё!

Стоят, обнявшись.

ОЛЬГА. Тихо здесь как.

ВАТУЕВ. Выброси всё из головы, выброси! Кстати, с военкоматом... Я почти всё решил, то есть даже уже не почти, а наверняка... Осталось только деньги найти. Но я найду, Оля, ты не беспокойся.

ОЛЬГА. Лишь бы Андрюшка не взбрыкнул. Представляешь, его на войну тянет! Я так боюсь, Коленька!..

ВАТУЕВ *(прекращает объятия)*. Ну, это уж ты, пожалуйста, сама с ним!.. Я не могу... Мной бешенство овладевает, Оля, бешенство! Вояка нашёлся!

ОЛЬГА *(меняет тему)*. С Валею видишься? Как она? Тоже с весны носа не кажет.

ВАТУЕВ. Общаемся... через забор. Совсем крестьянкой стала, на базаре торгует.

ОЛЬГА. Сейчас многие огородами живут. *(Вздыхает.)* Ладно, надо идти...

ВАТУЕВ. Ты в порядке? *(Поспешно.)* Так в американских фильмах спрашивают... Кругом хрен знает что, светопреставление, на героях живого места нет... И всё равно первый вопрос: «Ты в порядке?» В каком порядке? Маразм!

ОЛЬГА. Пошла я, Коля...

ВАТУЕВ. Я провожу. У Вальки, кстати, роман тут с одним отставным полковником. Вместе помидоры выращивают...

ОЛЬГА. Может, хоть на этот раз повезёт. *(Жалобно.)* Обними меня, пожалуйста...

ВАТУЕВ. Родная моя! *(Подходит, обнимает.)* Соскучилась по мужу, да? Завтра приеду. Обязательно! Хорошо? *(Целует.)*

ОЛЬГА *(прижимается к ВАТУЕВУ)*. Вот и пойду теперь.

ВАТУЕВ. А может, останешься?

ОЛЬГА. Не-е-т! *(Испуганно спохватывается.)* Нас в окошко не видно?

ВАТУЕВ. Видно! Ещё как!

ОЛЬГА. Да ты что?!

ВАТУЕВ. Со двора. *(Притягивает отпрянувшую ОЛЬГУ к себе.)* Что ж ты у меня такая трусиха?

ОЛЬГА. Всё-всё, ухожу... Аркаша заждался...

Идёт к выходу.

ВАТУЕВ. Сейчас я с ним разберусь... с Аркашей этим!

ОЛЬГА *(останавливается)*. Он меня любит, Коля.

ВАТУЕВ. Как?

ОЛЬГА. Говорит, что по-настоящему.

ВАТУЕВ. Только говорит?

ОЛЬГА. Он говорит, что ты тоже об этом знаешь.

ВАТУЕВ. Знаю, конечно. Но я же не виноват.

Уходят. Уходит и свет за ними, а затем освещается журнальный столик, за которым с картами в руках сидят БЕЛЫЙ и ЧЁРНЫЙ.

ЧЁРНЫЙ. Что я хочу спросить... Только, если неловко, не отвечай. Ты женщинами, вообще-то, интересуешься?

БЕЛЫЙ. Нет.

ЧЁРНЫЙ. Понятно. *(После паузы.)* А мужчинами?

БЕЛЫЙ *(с негодованием приподнимаясь)*. Слушай!..

ЧЁРНЫЙ. Чу! *(Прикладывает к губам палец.)*

Журнальный столик с игроками погружается в темноту, а на улице перед домом появляются ВАТУЕВ и ОЛЬГА.

ВАТУЕВ *(громко в темноту)*. Вышли бы поздороваться, Аркадий Семёнович?

ОЛЬГА (*ВАТУЕВУ тихо*). Не ругайся на него. (*Громко*.) Сейчас поедем, Аркашенька...

АРКАДИЙ (*внезапно выростая из темноты*). Всегда готов!

ОЛЬГА. Ах!..

ВАТУЕВ. Как чёрт из преисподни!

АРКАДИЙ. Извиняюсь! (*Протягивает руку ВАТУЕВУ*.) Поздороваться с вами спешу, ангел вы наш, Николай Свет Олегович!

ВАТУЕВ. Ночным извозчиком заделался?

АРКАДИЙ (*разводит руками*). Надо же твою невинность подтвердить!

ВАТУЕВ. Ах ты жук! (*ОЛЬГЕ*). Посмотри, как ловко вывернул!

ОЛЬГА (*АРКАДИЮ шутливо*). А я-то думала, ты из-за меня старался.

АРКАДИЙ. Да ведь и тебе теперь легче стало.

ВАТУЕВ. Всем угодил! А что? По крайней мере, теперь, действительно, всё ясно... (*Обнимает ОЛЬГУ*.) Да, родная?

ОЛЬГА (*отстраняясь*). Ехать нужно... далеко...

ВАТУЕВ. А может быть, останетесь? Коньяк у меня есть, гитара тоже!.. Разожжём костерок, для Аркашки Вальку разбудим и... (*Поёт*.) «Очи чёрные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные! Как люблю я вас...» (*Умолкает*.) Когда-то мы хорошо здесь сидели!

АРКАДИЙ. Гудели! Нет, брат, завтра с утра в родной департамент... Кстати, я на днях подошлю к тебе одного... Встреть как положено... О'кей?

ВАТУЕВ. Интересное что-нибудь?

АРКАДИЙ. Культурно-развлекательный комплекс на две тысячи мест.

ВАТУЕВ. Да ты что?! Аркаша, брат! Правда, что ли?!

АРКАДИЙ. Кто ты такой, чтобы я тебя обманывал?

ВАТУЕВ. Ну!.. (*Обнимает АРКАДИЯ*.) Тогда ты не чёрт, а самый что ни на есть ангел-хранитель!

ВАЛЯ (*голос*). Оля, это ты?.. (*Выходит на свет*.) А я смотрю и глазам своим не верю... Олечка! (*Раскрывает объятия*.) Подруженька моя ненаглядная!

ОЛЬГА. И тебя разбудили.

ВАЛЯ. Не сплю я! Катьку дожидаясь. Слышу голоса... Подкрадываюсь... и глазам своим не верю — Олечка! (*Встревожено*.) Уж не случилось ли чего?

ОЛЬГА. Нет-нет, ничего не случилось... Просто мы с Аркашей... заехали... По дороге...

АРКАДИЙ. Дай, думаем, Валюху-красуху навестим! Как она там? Небось, совсем закопалась в своем огороде?

ВАЛЯ. Ой, закопалась! По самую эту... Молочка не хотите ли? Есть! Свежее! Парное!

ВАТУЕВ. К чертям твоё молочко парное! Сейчас шашлыки будем жарить! Коньяк пить! Друг Аркадий фирму спас!

ОЛЬГА. Какие шашлыки? Даже и не думай! Нам ехать надо...

АРКАДИЙ. Да, дорога не ближняя...

ВАТУЕВ. Доедете! Ты мне только ещё раз скажи: точно?

АРКАДИЙ. С моей стороны — верняк, с твоей — как договоритесь.

ВАТУЕВ. Договорюсь, договорюсь! (*ВАТУЕВА распирает ликование*.) Ребятюшки! Оставайтесь, а?!

АРКАДИЙ. Рано праздновать. Да и Валюхе, наверное, на утреннюю дойку скоро.

ВАЛЯ. Мне-то что! Надо мной командиров нету!

ОЛЬГА. А говорят, ты полковника себе завела?

ВАЛЯ. Блоху на аркане! Полковника!

ВАТУЕВ. Что? Уже сбежал?

ОЛЬГА. Коля!

АРКАДИЙ. Значит, настоящий полковник. (ВАЛЕ.) Хочешь, с генералом познакомлю?

ВАЛЯ. Да пошли вы все! И генералы, и полковники!

ОЛЬГА. Вот это правильно! (Обнимает ВАЛЮ.) Пора нам, подруженька... Когда в городе объявишься?

ВАЛЯ. Объявлюсь! Вот разгребу здесь... (Обнимает ОЛЬГУ.) Столько не виделись и уже прощаемся... Олечка!.. Золотая моя!..

АРКАДИЙ (протягивает руку ВАТУЕВУ). Не серчай за неаккуратный наезд, друг Микола!

ВАТУЕВ. Таких бы наездов да побольше! Ну, Аркаша, я твой вечный должник, вечный!

АРКАДИЙ. Сочтёмся, не впервой. (ВАЛЕ.) Если по-честному: к кому в ночной рубашке наладилась?

ВАЛЯ. Дурак! Я Катюку жду. Может, ещё приедет с последней электричкой...

ВАТУЕВ. Не приедет. Поздно уже.

ОЛЬГА. Ну, счастливо вам оставаться.

АРКАДИЙ. Пока други мои, пока!

Уходят к машине.

ВАЛЯ. И молочка не попили. (Идёт за ОЛЬГОЙ.) Может, с собой возьмёте? У меня и бутылки есть пластмассовые... Андрюше, а?..

Заводится двигатель, вспыхивают фары, автомобиль уезжает.

К ВАТУЕВУ подходит ВАЛЯ.

ВАЛЯ. Чего приезжали-то?

ВАТУЕВ. Заказ он мне привёз, Валюха. Настоящий заказ! Живём теперь! (От избытка чувств подхватывает ВАЛЮ и отрывает от земли.) Ух ты, какая горячая под рубашкой!

ВАЛЯ (не сразу). Пусти.

ВАТУЕВ. А если не пущу? Ладно уж. (Опускает ВАЛЮ на землю.) Шутка! Полковнику ни слова!

ВАЛЯ. Третьи сутки уже полковника не видеть.

ВАТУЕВ (напевает). «Четвертые сутки пылают станицы»... Ночь-то какая! Благодать!

ВАЛЯ. К жене убёг, наверное. Не везёт мне с вашим братом, Колян.

ВАТУЕВ. Может, тогда тебе лесбосом заняться? Попытайся, вдруг да получится.

ВАЛЯ. Тебе-то, конечно, смешуёчки всё...

ВАТУЕВ. Да ладно! Что он у тебя первый, что ли? (Потирает руки.) А вот заказ — это супер! (Кричит.) Супер! У вау! (Уходит.)

ВАЛЯ. У тебя выпить есть?

Уходит за ним.

Свет перемещается. За журнальным столом БЕЛЫЙ и ЧЁРНЫЙ.

ЧЁРНЫЙ. О чем задумался, кретино?

БЕЛЫЙ. Везёт тебе, чёрт, везёт... *(Сбрасывает карту, спохватывается.)* Как ты сказал? Кретино?..

ЧЁРНЫЙ. Чу!

Входят ВАТУЕВ и ВАЛЯ.

ВАТУЕВ *(наполняя фужеры)*. Комплекс — это здорово! С комплексом мы о-го-го как развернёмся!

ВАЛЯ. Почему так всегда получается?

ВАТУЕВ. Аркан, конечно, свой куш урвёт, не упустит, но ведь и нам что-нибудь да достанется, а?!

ВАЛЯ. Главное, всё хорошо ведь было: помидоры практически вызрели... опыт, можно сказать, удался...

ВАТУЕВ. Не терять надежды! Банальная истина, избитая, но, пока она у человека есть, он жив!

ВАЛЯ. Хочешь, покажу?

ВАТУЕВ. Что?

ВАЛЯ. Помидоры. Таких, наверное, и в самой Астрахани не увидишь.

ВАТУЕВ. Не надо мне твоих помидоров, мне и без помидоров сейчас преотлично!

ВАЛЯ. Тебе-то преотлично, а я с февраля, можно сказать, корячусь. Теплицу топила, семена проращивала, рассаду поливала, в грунт высаживала... Даже дневник наблюдений вела, как юнатка заправская. Представляешь?

ВАТУЕВ. Зачем?

ВАЛЯ. Положено, сказал! Представляешь? Положил, гад, и сбежал!

ВАТУЕВ. Мужик он вроде неплохой.

ВАЛЯ. Все вы неплохие! А толку?

ВАТУЕВ. Ты у нас как корова! Все тебя доят, а пасти не хотят. Даже с Аркашей не ужилась.

ВАЛЯ. Вот уж о ком ничуть не жалею.

ВАТУЕВ. Что так?

ВАЛЯ. Да какой-то он сальный весь!

ВАТУЕВ. В каком смысле?

ВАЛЯ. А на ощупь. *(Передёргивается.)* Брр!

ВАТУЕВ. Полковник, значит, лучше?

ВАЛЯ. Сравнил! Полковник — мужик!

ВАТУЕВ. Даже лучше меня? *(Под взглядом ВАЛИ.)* Да шучу я! Не напрягайся.

ВАЛЯ. Что она сказала-то?

ВАТУЕВ. Кто?

ВАЛЯ. Ольга! Она же здесь с того самого дня не была, как Ванечку вашего убило, твоих хором этих *(обводит рукой)* и не видала никогда. *(Качает головой.)* Вот ведь сила воли у человека!

ВАТУЕВ. Это не сила воли. Не может она здесь, на месте его гибели... *(Помолчав.)* Ванечка! Мы и не говорим о нём никогда... Хотя, конечно, утихло уже... *(Наливает коньяк.)* У нас ведь как было? Ванечка считался маменькин сынок, Андрюша папенькин...

ВАЛЯ. Что ж я, не знаю, что ли? Давай, помянем...

ВАТУЕВ. Давай! *(Отпив из фужера.)* Надо было мне его здесь и похоронить.

ВАЛЯ. Где же?

ВАТУЕВ. Да прямо здесь на даче, под березкой... Всё равно я на неё смотрю и его вспоминаю... Хороший был мальчик... Андрюха — не то... с дуриной... С большой, надо сказать, дуриной.

ВАЛЯ (*думая о своём*). Хоронить... нет, не надо...

ВАТУЕВ. Почему? Я бы лично хотел здесь лежать, под березой... Ты бы ухаживала за мной, дневник наблюдений вела бы...

ВАЛЯ. Ага, сейчас! Больше мне других дел нету. (*Пьёт.*) Ведь линейкой всё вымеряла, каждый стебелек, каждый сантиметр записывала!

ВАТУЕВ. Я бы лежал себе и лежал!

ВАЛЯ. А, случись, продать? Кому нужна дача с чужой могилой?

ВАТУЕВ. Про могилу не говорить. Сровнять холмик, и на этом месте помидоры посадить. Знаешь, какие вырастут!

ВАЛЯ. Тошно мне, Колян... (*Подвигает фужер.*) Налей!

ВАТУЕВ. Ты, смотри, не очень-то налегай...

ВАЛЯ. Не бойсь... (*Отхлебнув.*) Значит, не понравилось ей здесь... Олечке нашей...

ВАТУЕВ. Я и не спросил даже...

ВАЛЯ. Значит, не понравилось. Понравилось, сказала бы.

ВАТУЕВ. Не обязательно. Она сразу редко когда говорит. Выдержка у неё железная. Я это ещё в первые с ней наши дни отметил. Однажды выпивали с приятелем... Ушли продолжать... Тарелки, закуску так на столе и бросили. Два дня меня не было. Возвращаюсь, всё, что на столе стояло, так и стоит, засохшее. Чтоб, значит, сам убрал.

ВАЛЯ. Убрал?

ВАТУЕВ. Бросить хотел её, решил уже, а потом убрал.

ВАЛЯ. Олечка моя! Сколько раз меня выручала... подружка моя золотая!

ВАТУЕВ. Убрал и остался. Хотя не моя она женщина, Валя, не моя!

ВАЛЯ. Натерпелась она от тебя.

ВАТУЕВ. Ты знаешь, не очень! Во-первых, она сама по себе не ревнивая и ни о чём таком вроде и не подозревает, а во-вторых, когда Ванечки не стало, она вся в Андрюшу ушла, не отпускала его ни на шаг, даже со мной. Я говорю: бабу из него сделаешь! Как-то прихожу домой потихоньку, смотрю, стоит она перед Андрюхой на коленях, лицо к нему выставила: «бей, говорит, меня по лицу, бей!».

ВАЛЯ. Тренировала, значит. Она и Катьку мою воспитывала. Может, потому она у меня и умная теперь. Ты-то как, кстати, Катей доволен?

ВАТУЕВ. Вполне.

ВАЛЯ. А уж я-то как довольна... Спасибо вам с Олечкой, огромное-преогромное!

ВАТУЕВ. Надо же, примчалась!.. (*ВАЛЕ.*) Заревновала ведь, подружка твоя золотая!

ВАЛЯ (*испуганно*). Иди ты! К кому ж?!

ВАТУЕВ. А ты не догадываешься?

ВАЛЯ (*опешив*). У нас же с тобой ничего нет давно? Да и не было!

ВАТУЕВ. А ты ей об этом сказала?

ВАЛЯ. О чём? Да ты что?! Я лучше себе глотку перережу, чем такое сказать. Господи! Боже мой! Олечка! Золотая моя! Или ты меня, чёрт такой, разыгрываешь? Дурак, какой же ты дурак, Ватуев! Разве такими вещами шутят? У меня, прямо, опустилось всё... Налей!..

ВАТУЕВ. Нет, правда, застукать меня хотела, с поличным!

ВАЛЯ. Да с кем же здесь?..

ВАТУЕВ. Я знаю? С таинственной незнакомкой.

ВАЛЯ. У тебя разве кто есть? Катька не говорила...

ВАТУЕВ. Хорошей секретарше полагается молчать.

ВАЛЯ. Ватуев, ты ведь уже не молодой. Не надоело тебе ещё, а?

ВАТУЕВ. Кто бы говорил? У самой — роман за романом!

ВАЛЯ. Сравнил! Я одна. А у тебя Олечка!

ВАТУЕВ. Брак любви не помеха.

ВАЛЯ. Ещё какая помеха. Полковник-то сбёг! А ну-ка, сойди с постели!

ВАТУЕВ. Зачем?

ВАЛЯ. Простыни хоть расправлю! Сжамкались все!

ВАТУЕВ. Не надо. *(Укрывает постель пледом.)*

ВАЛЯ. Что не надо? Господи! *(Садится.)* Я так боялась, что ты её бросишь когда-нибудь?

ВАТУЕВ. Кого?

ВАЛЯ. Олечку! Она же мне как сестра... Я ей из-за тебя даже никогда и не завидовала. Наоборот, жалела!

ВАТУЕВ. Это ещё почему?

ВАЛЯ. Потому что она лучше тебя в тысячу раз! Даже в миллион!

ВАТУЕВ. А вот это правда! Я пошл, и чистого вокруг меня мало.

ВАЛЯ. Я таких чистых женщин даже и не встречала никогда!

ВАТУЕВ. Отныне мой девиз — не приумножать пошлости!

ВАЛЯ. А ты? Ну, что в тебе хорошего, Ватуев? Если вдуматься — ничего!

ВАТУЕВ. Так это если вдуматься.

ВАЛЯ. Вот что я тебе скажу... Я тебя люблю и уважаю даже, но если ты, козёл старый, Олечку бросишь!..

ВАТУЕВ. А полковника от жены уводить, хорошо?

ВАЛЯ. Он же не любит её! Я его спрашиваю: у тебя с ней, как со мной, было?

ВАТУЕВ. Никак нет! *(Отдаёт честь.)*

ВАЛЯ. И всё равно утёк, паразит! Ну, чего они все от меня бегут-то, а? Разве я плохая? Скажи: плохая?

ВАТУЕВ. Хорошая-хорошая. Только... Пошлость жизни, Валюша, не щадит даже самых лучших. Знаешь, я вот оглядываю иной раз свою жизнь и не нахожу ничего, что бы в ней было не опошлено. Всё опошлено, всё!

ВАЛЯ. Чем опошлено?

ВАТУЕВ. Нами! Вся наша жизнь, Валюша, безжалостно опошлена нами!

ВАЛЯ. Ну, не знаю... У меня так, вроде, и нет...

ВАТУЕВ. Это у тебя-то?!

ВАЛЯ. А что у меня-то? Я всё делаю... чтоб как лучше... Не всегда получается, правда...

ВАТУЕВ. Да разве ж в этом дело?

ВАЛЯ. А в чём же? Чего вам всем не хватает? От жён — к бабам, от баб — к жёнам! Чего вы всё ищете, козлы?

ВАТУЕВ. Зачем я всё это говорю? Кому?

ВАЛЯ. Не хочешь, не рассказывай! Мне про твои пошлости слушать тоже радости мало.

ВАТУЕВ. Как хорошо молчать! Я вот здесь живу один и молчу! Кругом болтовня, а тут... Нет, похороните меня здесь. Здесь хочу лежать! Ну что тебе стоит? На моей могиле банановый куст вырастит. Представляешь, какой бизнес у тебя пойдёт?

ВАЛЯ. Ватуев, ты пьян?

ВАТУЕВ. Нет, Валюшенька, нет! Я не пьян!

ВАЛЯ. Пьян! В нашей широте не растут бананы.

ВАТУЕВ. А на моей могиле вырастут, вот увидишь! Ты только навоза не жалея. Бананы его того... любят!

ВАЛЯ. Ага, как же, дождёшься от вас бананов... *(Помолчав.)* Не приедет, наверное, Катька...

ВАТУЕВ. Не приедет. Давай выпьем...

ВАЛЯ. Давай! Только не надо больше про кладбище... Про бананы давай, а про кладбище не надо... Ну к бесу! Мы ведь живые ещё...

Пьют.

ВАТУЕВ. Спать неохота. Выспался уже перед сном. И какая-то дрянь успела присниться, какие-то черти, ангелы, в карты играют, лопочут чего-то несусветное...

ВАЛЯ. Карты? Надо в соннике посмотреть... Я тебе скажу завтра... если найду... Хотя, вранье всё это... Мне такого счастья с полковником нагадали... думала, захлебнусь...

ВАТУЕВ. И захлебнулась!

ВАЛЯ. Так хреново, так хреново... Ватуев, миленький, возьми меня, а?

ВАТУЕВ. Куда взять?

ВАЛЯ. Ночевать с собой... Постельку вот сейчас встряхну... и заляжем...

ВАТУЕВ. Сиди!

ВАЛЯ. А хочешь, свежие простынки принесу? Хочешь? С наволочками... Шёлковые!

ВАТУЕВ. Сиди, говорю!

ВАЛЯ. Так хреново, так хреново... *(Садится.)* Тебе ведь всё равно.

ВАТУЕВ. Что, значит, всё равно? Ты чего городишь?

ВАЛЯ. Как ты меня на улице-то на себя вскинул!

ВАТУЕВ. Я же просто так!

ВАЛЯ. Просто так и возьми. Тебе ведь ничего не составит... А мне прижаться толечко... Миленький! Колюнчик мой!.. Ты ведь нам не чужой... *(Ластится.)*

ВАТУЕВ *(отстраняясь)*. Кому это вам?

ВАЛЯ. Нам с Катей... Как всё равно отец и муж... заодно...

ВАТУЕВ. Всё, следующую ты пропускаешь. *(Наливает себе из графина и встаёт.)* Бред ты несёшь, дорогая, чистейший бред, и пора тебе, знаешь, баиньки... Гуд бай, подруга!

ВАЛЯ. Какой же ты, Ватуев, всё-таки козёл!

ВАТУЕВ. Вот те на! Олечка, жена моя, подруга твоя золотая, сестра, как ты только что расписывала... и я же — козёл!

ВАЛЯ. Она бы не обиделась на меня... Олечка моя... Уж лучше со мной, чем с чужими...

ВАТУЕВ. Потрясающая логика! Но, боюсь, что твою золотую подругу она бы не утешила. Видела бы ты её сегодня! Чуть обыск не учинила, во!

ВАЛЯ. Значит, довёл. Вот я и говорю: козёл ты, Ватуев, и нехороший... *(Тянет за коньяком.)*

ВАТУЕВ. Хватит с тебя на сегодня. *(Убирает графин.)*

ВАЛЯ *(раздельно)*. Ко-зёл! И тыфу на вас всех с высокой колокольни. *(Идёт к двери.)* Ой! Качает, что ли, меня?

ВАТУЕВ. Покачивает... Дорогу, найдешь, надеюсь?

ВАЛЯ *(игриво)*. Проводить надумал, а?

ВАТУЕВ. Ступай с Богом, ступай...

ВАЛЯ. Козлы вы все, коз-лы!

Уходит.

ВАТУЕВ. А вот комплекс — это хорошо, комплекс — это здорово! *(Кричит.)* Даёшь комплекс! *(Замолкает.)* И застелю-ка я, в самом деле, свежее бельё!

Собирает в охапку старое бельё, взмахивает новой простыней. Всё погружается в ночь.

Вдруг распахиваются створки окна, и чьё-то ловкое, гибкое тело в ночной рубашке проникает в комнату и тотчас же забирается под сугроб ватуевской простыни.

ВАТУЕВ. Что? А? Что?!

ГОЛОС. Это я, я!.. Я!

ВАТУЕВ. Сумасшедшая!

Затемнение.

ГОЛОС ЧЁРНОГО. А говоришь, боюсь купаться!

Тяжело шлепается карта.

ГОЛОС БЕЛОГО. Так ведь вода ж холодная!

Шлепается другая.

Офис ВАТУЕВА.

Отталкивая ЧЁРНОГО, в приёмную врывается БЕЛЫЙ. Следом влетает ЧЁРНЫЙ.

ЧЁРНЫЙ. Вы мне чуть ногу не отдавили, милейший!

БЕЛЫЙ. Ничего!

ЧЁРНЫЙ. Как это ничего? Вы же меня оттолкнули!

БЕЛЫЙ. А вы меня на лестнице обогнали!

ЧЁРНЫЙ. Я просто шёл! Поднимался!

БЕЛЫЙ. Ага! Через две ступеньки! *(Садится.)* Поднимался он!

ЧЁРНЫЙ. Всюду первым быть желаете?

БЕЛЫЙ. Во всяком случае, вам уступать, не собираюсь!

Сердито отворачивается.

ЧЁРНЫЙ. В таком случае, я вам тоже!

Садится, но тотчас же и вскакивает при появлении КАТИ.

ЧЁРНЫЙ *(кланяясь)*. Здравствуйте, Екатерина Николаевна!

КАТЯ. Здравствуйте!

ЧЁРНЫЙ. Николай Олегович у себя?

БЕЛЫЙ *(вскакивая)*. Я первым пришёл!

КАТЯ (*ЧЁРНОМУ*). Вы из департамента?

ЧЁРНЫЙ. Именно так-с.

БЕЛЫЙ. У меня срочное, неотложное дело первостепенной важности! Да!

КАТЯ. Не кричите. Вас он тоже примет.

БЕЛЫЙ. Что значит тоже? Я первый!

КАТЯ. В конце концов, моё дело — доложить.

Уходит.

ЧЁРНЫЙ. Очаровательная девушка! Не находите?

БЕЛЫЙ. Мне всё едино. Лишь бы дело знала.

ЧЁРНЫЙ. А я, признаться, чистюлечек таких, как вот эта секретарочка, очень даже обожаю. Ведь это такая прелесть! Кожица прозрачная, нежная, губки карамельки... Что бы ей презентовать такое на светлую память? (*Открывает кейс.*) Что тут у нас по этому случаю имеется?

БЕЛЫЙ. Эх, ха-ха!..

ЧЁРНЫЙ. Ага! И вас, я вижу, пробрало!

БЕЛЫЙ. Чего?

ЧЁРНЫЙ. Ну, сознайтесь честно, как джентльмен джентльмену... Ну, не может такая Катериночка не нравиться, ведь правда же?

БЕЛЫЙ. Зряшный вы человек! Всё на девочек заглядываетесь!

ЧЁРНЫЙ. Да ведь одна радость в жизни — женщины... что проходят мимо.

БЕЛЫЙ. Третьего дни стоим на остановке... после вечерни. Общественного транспорта нет и нет. Вдруг подруливает... эта... иномарка заграничная... Молодой парень, справный такой, волосы ежиком... к девчужке высунул: «садись, говорит, красавица, подвезу!». Девчужка не дура попалась... И разговора заводить не стала, за людей схоронилась и нет её. А я говорю: подвези, мил человек, лучше вот этих бабушек... еле на ногах, бедные, стоят после службы...

ЧЁРНЫЙ даже рот от изумления разинул.

БЕЛЫЙ. Казалось бы, что стоило до метро подбросить? Зато как приятно было бы!

ЧЁРНЫЙ. Кому? Бабушкам?

БЕЛЫЙ. Да хоть самому парню этому. Ведь доброе дело душу греет.

Входит АНДРЕЙ. Намеревается пройти в кабинет.

ЧЁРНЫЙ. Молодой человек! Тут очередь.

АНДРЕЙ. Я без очереди, я — сын.

ЧЁРНЫЙ (*поднимаясь*). Николая Олеговича? Чрезвычайно приятно! (*Откровенно любуюсь.*) И, действительно, похож!

АНДРЕЙ. Вообще-то, я на мать похож. А Катя там? Секретарша?

ЧЁРНЫЙ. Доложить вошла.

АНДРЕЙ. Я загляну тогда... на минутку?..

ЧЁРНЫЙ. Сделайте милость...

БЕЛЫЙ. С отцом надо дома разговаривать!

АНДРЕЙ. Да я заглянуть только! Момент!

Выходит Катя.

ЧЁРНЫЙ. А вот и Катюшенька наша!

КАТЯ. Андрюшечкин пришёл? Привет!

АНДРЕЙ. Привет! Как оно? Контора пишет?

КАТЯ. Вовсю! (*ПОСЕТИТЕЛЯМ.*) Николай Олегович сейчас сам выйдет. (*АНДРЕЮ приветливо.*) Чего заявился-то? Так просто?

АНДРЕЙ. Ага... мимолётом... На «Перья страусов» сходить не желаешь?

КАТЯ. Когда?

АНДРЕЙ. Да хоть завтра.

КАТЯ. Завтра не могу, Андрюшечкин.

АНДРЕЙ (*угрюмо*). И послезавтра, конечно, тоже.

КАТЯ. Да ладно, вообще! Чего обижаться? Со временем — просто завал! (*Помолчав.*) Ботиночки, смотрю, клёвые прикупил.

АНДРЕЙ. Между прочим, потрясная группа...

КАТЯ. Я слышала на диске... Ну, не обижайся! Я, правда, не могу... Вся эта неделя забита.

АНДРЕЙ. Угу. И будущая — тоже. Только чем? Или кем?

ВАТУЕВ (*по селекторной связи*). Катя!..

КАТЯ (*АНДРЕЮ*). Подожди, ладно...

Уходит в кабинет.

ЧЁРНЫЙ (*АНДРЕЮ*). Не соблаговолите ли презентовать своей даме для поднятия тонуса?

Протягивает АНДРЕЮ какую-то вещицу.

АНДРЕЙ (*беря*). Что это?

ЧЁРНЫЙ. Сувенир из Южной Африки, божок местного значения.

БЕЛЫЙ. Тьфу!

ЧЁРНЫЙ (*оборачиваясь*). В чём дело, коллега?

БЕЛЫЙ. Что у нас своих, что ли, святых нет?

АНДРЕЙ. Спасибо.

Возвращает сувенир ЧЁРНОМУ.

ЧЁРНЫЙ. Можете взять, у меня ещё есть... Пожалуйста!..

АНДРЕЙ. Вы сами ей и подарите.

БЕЛЫЙ. Да не нужно это никому дарить!

В мгновение ока выхватывает сувенир из рук ЧЁРНОГО и выбрасывает в окно.

ЧЁРНЫЙ. Да!..

Вскакивает, бросается к окну.

БЕЛЫЙ. Заразу эту!

Садится на своё место.

ЧЁРНЫЙ. Вы в своём уме?

БЕЛЫЙ. Серафиму Саровскому до сих пор на памятник не можем собрать! А вы на какого-то заморского идола деньги тратите! Ну что вы, в самом деле? Мы ведь на Руси живём!

АНДРЕЙ. Нормально, вообще!

Смеётся.

ЧЁРНЫЙ. Нет, это не нормально. (*Грозит пальцем БЕЛОМУ.*) Чужую собственность не уважать. (*АНДРЕЮ.*) Старушек он, видите ли, предлагает на иномарках возить! Идиот!

БЕЛЫЙ. Да не идиот я, не идиот! Это вы все, такие вот, идиоты! Понавезут, понимаешь ли, всякой нечисти басурманской и пихают её молодежи! А им Христос нужен, наш русский Христос!

Выходит КАТЯ, смотрит вопросительно.

АНДРЕЙ. Тут у нас низвержение богов!

ЧЁРНЫЙ. Я, видите ли, дорогая Катечка, хотел вам презентовать вот этот сувенирчик...

Раскрывает кейс, достает божка, подаёт Кате..

КАТЯ. Какой забавный!

ЧЁРНЫЙ. Правда же! И, между прочим, страшно там у них почитаемый. А вот этот вздорный человечек, взял да и выбросил его в окно.

КАТЯ. Как в окно?

БЕЛЫЙ. Да вот так!

Выхватывает у КАТИ божка и выбрасывает в окно.

АНДРЕЙ. Молоток, батя, молоток!

Не просто смеётся, а ржёт и наносит сокрушительный удар по кому-то невидимому.

Катя тоже невольно начинает смеяться, и даже ЧЁРНЫЙ подхихикивает.

БЕЛЫЙ. Тихо!

Встаёт.

Все замолкают.

БЕЛЫЙ. Во имя Отца, Сына и Святого Духа!

Крестит ВСЕХ троекратно широким крестом.

Выходит ВАТУЕВ, и тоже попадает под крест.

БЕЛЫЙ. Аминь!

КАТЯ (ВАТУЕВУ). Это к вам...

Отворачивается, пытаясь изо всех сил не рассмеяться.

БЕЛЫЙ. У меня дело неотложной общественной важности!

ВАТУЕВ (ЧЁРНОМУ). Буквально две минуты... *(Приглашает БЕЛОГО в кабинет.)*

Прошу! (АНДРЕЮ.) Ты зачем?

АНДРЕЙ. Я — к Кате...

ВАТУЕВ. А... (ЧЁРНОМУ) Две минуты...

Уходит вслед за прошедшим в кабинет БЕЛЫМ, закрывает дверь.

ЧЁРНЫЙ. Дело неотложной общественной важности. Да же представить нельзя, что у такого придурка может быть такое дело!

АНДРЕЙ. Не, а всё-таки здорово он вас, здорово!

ЧЁРНЫЙ. Вы приветствуете? Но такие вещи, по-моему, просто непозволительны.

КАТЯ. Андрюшечкин у нас патриот! Правда, Андрюшечкин?

АНДРЕЙ. Я, наверное, куда-нибудь на Кавказ уеду скоро... Охота посмотреть... И, вообще... чего-то меня воевать тянет.

Наносит по кому-то невидимому сокрушительный удар.

ЧЁРНЫЙ *(невольно отшатываясь)*. Да вы просто... Супер!

Затемнение.

Кабинет ВАТУЕВА.

ВАТУЕВ. Присаживайтесь... *(Проходит и садится за стол.)* Слушаю вас...

БЕЛЫЙ. Я к вам как к помощнику депутата... На «Серебряной» улице собираются стройку городить... А там дуб растёт уже двести сорок семь лет. Понимаете? Это же памятник истории! Древо жизни! Про него ещё Пушкин написал!

ВАТУЕВ. Златая цепь на дубе том?

БЕЛЫЙ. Нельзя загубить!

ВАТУЕВ. Вы почему всех крестили... в приёмной?

БЕЛЫЙ. Чтобы бесов остановить. Они кружат бесы-то, а крест... он ведь останавливает. На прошлой неделе, гляжу, у метро, драка зачалась... В кровь бьются! И, главное, свои же... русские ребята. Что делать? Зашибут! Ка-а-ак гаркну им: «Тихо!». Они враз и остановились. Я дальше командую: «Смотреть на меня! *(Встаёт, показывает.)* Во имя Отца, Сына и Святаго Духа! Аминь!». *(Садится.)* Прекратили.

ВАТУЕВ. Вы живёте там, на «Серебряной»?

БЕЛЫЙ. Нет. Но земля-то у нас единая, русская!

ВАТУЕВ. Что я должен сделать?

БЕЛЫЙ. Подписать наш протест!

ВАТУЕВ. Давайте!

БЕЛЫЙ. Я не составил ещё... Я к вам заручиться пришёл... вашей, значит, поддержкой.

ВАТУЕВ. Поддержу! Всем, чем могу. *(Встаёт, протягивает руку.)* Рад был познакомиться.

БЕЛЫЙ. Ага! Я — тоже. *(Идёт к выходу.)* А бумагу я завтра принесу.

ВАТУЕВ. Не затягивайте! А то мы, русские, любим потянуть... *(В селектор.)* Катя, проси господина из департамента!

ЧЁРНЫЙ *(сталкиваясь с БЕЛЫМ)*. Чур меня!

Боязливо обходит.

БЕЛЫЙ *(ВАТУЕВУ)*. Это... спасибо, вам, значит... за понимание...

ВАТУЕВ. На одной земле живём.

БЕЛЫЙ. Храни вас Господь!

Уходит.

ВАТУЕВ. Присаживайтесь, пожалуйста!

ЧЁРНЫЙ. Спасибо. *(Усаживается.)* Быстро вы от него отделались.

ВАТУЕВ. Пустяковый вопрос.

ЧЁРНЫЙ. А я к вам от Аркадия Семёновича... *(Достаёт из кейса бумагу.)* Взгляните одним глазком, и всё вам сразу станет ясно.

ВАТУЕВ. С утра вас поджидаю... *(Берёт бумагу, читает, поднимает взгляд.)* Это провокация?

ЧЁРНЫЙ. В каком смысле?

ВАТУЕВ. Этот человек, перед вами... Он по этому же вопросу!

ЧЁРНЫЙ. Ах ты жук! *(Испугано.)* Он у нас в департаменте не служит!

ВАТУЕВ. Он не из департамента. Он вообще против этого строительства! Там какой-то дуб, про который ещё Пушкин писал... Чёрт знает что! Я обещал помочь...

ЧЁРНЫЙ. Каким же образом?

ВАТУЕВ. Я — помощник депутата.

ЧЁРНЫЙ. Извините, не знал... Однако Аркадий Семёнович сказал, что вам этот подряд будет весьма кстати...

ВАТУЕВ. Кстати, не то слово. Этот подряд для нас — спасение!

ЧЁРНЫЙ. Так в чём же дело?

ВАТУЕВ. Хотел же я вас раньше принять, хотел!

ЧЁРНЫЙ. Да плюньте вы на него! Нашли из-за чего расстраиваться!

ВАТУЕВ. Вы так думаете?

ЧЁРНЫЙ. И думать нечего, ибо сказано: «ненормальные осложняют жизнь!».

ВАТУЕВ. Думаете, он ненормальный?

ЧЁРНЫЙ. Полный идиот, законченный! Представляете, предлагает старушек на иномарках возить!

ВАТУЕВ. Каких старушек, куда?

ЧЁРНЫЙ. Куда-нибудь... до метро хотя бы...

ВАТУЕВ. Зачем?

ЧЁРНЫЙ. Вот и я спрашиваю, а он говорит, хорошо на душе будет... Разве не идиот?

ВАТУЕВ. Может быть. *(Показывает на бумагу.)* Я тут ознакомлюсь поподробнее, да? Вас как отыскать в случае необходимости?

ЧЁРНЫЙ. Из-за этого психованного я даже не представился по-человечески.
(*Подает визитку.*) Извольте...

ВАТУЕВ. Очень приятно, очень!

Подает свою визитку, выходит из-за стола, прощаться.

Входит Андрей с безжизненной КАТЕЙ на руках.

АНДРЕЙ. Отец!.. (*Перехватывает КАТЮ поудобнее.*) Повалилась вдруг... Ни с того ни с сего...

ВАТУЕВ. Осторожнее! (*Бросается к АНДРЕЮ принимает тело.*) Вызывай скорую, быстро!

АНДРЕЙ бросается к телефону, ВАТУЕВ несёт и укладывает КАТЮ на диван, хлопочет над ней, оборачивается в панике к ЧЁРНОМУ.

ВАТУЕВ. Что с ней?

ЧЁРНЫЙ. Да ничего особенного. Беременна!

ВАТУЕВ и АНДРЕЙ (*одновременно*). Как?!

ЧЁРНЫЙ. Сейчас сама скажет... Вот уж и глазоньки открылись...

КАТЯ (*приподнимаясь*). Я упала?

ЧЁРНЫЙ. Токсикоз пошаливает.

КАТЯ. Откуда вам?..

Садится.

ВАТУЕВ. Это правда? Ты — беременна?

КАТЯ. Не знаю... (*Садится поудобнее.*) Да. Наверное...

ВАТУЕВ. Чёрт знает что!

Встаёт, ходит по кабинету; ЧЁРНОМУ.

ВАТУЕВ. Вот и принимай таких на работу! (*КАТЕ.*) Ну, что я с тобой делать должен, что?! (*АНДРЕЮ и ЧЁРНОМУ.*) Оставьте нас, пожалуйста, оставьте!..

АНДРЕЙ. Ты не очень-то расходишь, бать...

ЧЁРНЫЙ. Пощадите сердце, Николай Олегович, дело-то житейское...

ВАТУЕВ. Разберёмся! Я прошу вас... Андрюша, уходи! Не время!. После, родной...

АНДРЕЙ и ЧЁРНЫЙ уходят.

ВАТУЕВ. Ты что творишь, а? При людях!

КАТЯ. Я хотела сказать... сегодня...

ВАТУЕВ. Какой у тебя месяц? Когда это произошло? Почувствовала когда? Отвечай!

АНДРЕЙ (*входя*). Не кричи на неё, отец! Я это... (*Опускает голову, поднимает.*) В общем, если этот подлец на ней не женится, я сам женюсь. Вот так, в общем.

ВАТУЕВ. Пошёл вон.

АНДРЕЙ. Как?

ВАТУЕВ. Катись отсюда! Быстро!

АНДРЕЙ. Чего катись-то? Меня это, может, больше тебя касается?

ВАТУЕВ. Идиот! Шагай!

С поднятыми кулаками идёт на АНДРЕЯ.

АНДРЕЙ *(пятится и останавливается)*. Отец?.. Это... ты?.. Подлец этот — ты?!
ВАТУЕВ. Вон я сказал! Во-он!!!

Хватается за голову, как от сильной боли..

КАТЯ. Уходи, Андрей, уходи!

Выталкивает АНДРЕЯ за дверь.

ВАТУЕВ добирается до кресла и осторожно опускается в него.

КАТЯ. Ты в порядке?

ВАТУЕВ. Ес! *(Откидывается на спинку.)* В полном!

Затемнение.

ВАТУЕВ посреди сцены на ярко освещённом пятачке. Исполняя каждая свой сольный танец, с разных сторон появляются ОЛЬГА, КАТЯ, ВАЛЯ.

ОЛЬГА *(проходя мимо и останавливаясь в полуобороте)*. Я любила тебя!

КАТЯ *(проходя мимо и останавливаясь в полуобороте)*. Я любила тебя!

ВАЛЯ *(проходя мимо и останавливаясь в полуобороте)*. Я любила тебя!

ВСЕ *(разом)*. А ты?

ВАТУЕВ. Я вас тоже любил! *(ОЛЬГЕ.)* Тебя, как родную жену... *(КАТЕ.)* Тебя, как последнюю возлюбленную...

ВАЛЯ. А меня?

ВАТУЕВ. Тебя? Тебя...

Не находит слов.

ВСЕ *(разом осуждающе)*. Мы любили тебя!

Свет переходит к журнальному столику, за которым с картами в руках сидят БЕЛЫЙ и ЧЁРНЫЙ.

БЕЛЫЙ. Эх, ха-ха!..

Шлёпает карту.

ЧЁРНЫЙ. Когда любовь нечаянно нагрянет, то от неё хорошего не жди. *(Припечатывает карту БЕЛОГО своей, обращается к ВАТУЕВУ.)* Присаживайтесь, присаживайтесь... в ногах, как известно, правды нет. Правда, нет её и между... *(Нарочито испуганно.)* Это не я сказал!

БЕЛЫЙ. Эх, ха-ха!.. Так и лезет из тебя дурь-то.

ЧЁРНЫЙ. А на твоём месте, дорогой, я бы вообще скромно помалкивал!

БЕЛЫЙ. Почему это я должен помалкивать?

ЧЁРНЫЙ. Потому что о настоящей любви ты не имеешь ни малейшего представления.

БЕЛЫЙ. Это вы не имеете. Ваша любовь — мерзость и срам!

ЧЁРНЫЙ. Так в этом же всё и удовольствие! Чтоб чрез запретное прорваться!

(ВАТУЕВУ.) Хотите полезный совет?

БЕЛЫЙ. Не слушай ты его, Христа ради, цитатника этого чернокнижного!

ВАТУЕВ. Нет, нет, пусть скажет!

ЧЁРНЫЙ. Плюньте вы на баб своих, вот и вся недолга.

ВАТУЕВ. То есть как это плюньте?

ЧЁРНЫЙ. Очень просто. Тьфу, на вас, и живите дальше. Уверяю, дела сразу продвинутся. Ибо сказано: «курица — не птица...

БЕЛЫЙ (*задумавшись*). «Баба — не человек!» (*Опомнившись*.) Нет такого в писании!

ЧЁРНЫЙ. Есть!

БЕЛЫЙ. Нет!

ЧЁРНЫЙ. В комментариях!

ВАТУЕВ (*раздумчиво*). Плюнуть невозможно... Катя беременна...

ЧЁРНЫЙ. Экая невидаль!

ВАТУЕВ. И Андрей теперь знает... Не-е-е-т! Легко сказать, плюнь!

ЧЁРНЫЙ. Значит, будете сами страдать и других мучить. Но это уже по его части. (*Показывает на БЕЛОГО.*) Он, кстати, скоро опять знаменитым сделается, его на улицах узнавать начнут.

ВАТУЕВ. Да? Отчего же?

ЧЁРНЫЙ. Один его последователь, так сказать, по образу и подобию, прикуётся цепью к вековому дубу и будет грозить сжечь себя, если на этом месте не прекратят стройку. Вот он чему людей-то учит, правильник наш праведный. Брр! Даже мураши по коже бегут от такого учения.

ВАТУЕВ. Он, что же, взаправду сгорит?

ЧЁРНЫЙ. Пока доподлинно неизвестно, но, в принципе, может реально. За их учение уже столько людишек погорело, распялось и замучилось, что даже оторопь берёт.

БЕЛЫЙ. Тебе этого не понять.

ЧЁРНЫЙ. Потому что, по моему глупому разумению, нет такой идеи, за которую себя и других можно было бы с удовольствием гробить.

БЕЛЫЙ. Есть такая идея — антихристу противостоять!

ЧЁРНЫЙ. Да зачем же ему противостоять, ежели он всё одно, как завещано, явится?

БЕЛЫЙ. Потому и противостоять, что явится. Ибо сказано: «Храни Русь веру православную!».

ЧЁРНЫЙ. Это где же такое сказано?

БЕЛЫЙ. В Писании — где!

ЧЁРНЫЙ. Про Русь? Одну минуточку... (*Прикладывает указательный палец к виску, ждёт, отнимает палец.*) Отсебятиной занимаешься, братец! Смотри, будет тебе ужо!

БЕЛЫЙ (*с завистью*). И почему у нас такого нет?

Вертит пальцем у виска, вздыхает.

ЧЁРНЫЙ. Потому и нет, что нет!

БЕЛЫЙ. Всё одно стоять надо!

ЧЁРНЫЙ. Ортодокс твердокаменный!
 БЕЛЫЙ. Сам ты!.. Интеллигент недорезанный!
 ВАТУЕВ (*риторически*). Что же мне делать теперь, а?
 ЧЁРНЫЙ. Что я вам присоветовал, то и делайте.
 БЕЛЫЙ. Советчик нашёлся!
 ВАТУЕВ (*уныло*). Как жить?
 ЧЁРНЫЙ (*указывая на БЕЛОГО*). Ждите ответа.

ВАТУЕВ поворачивается к БЕЛОМУ.

БЕЛЫЙ (*не сразу*). Правду надо сказать. Повиниться, покаяться...
 ЧЁРНЫЙ (*ВАТУЕВУ*). Неужели? Это мы сейчас, мигом... (*Кричит.*) Красавицы! А ну, подь сюда... любезные!
 ВАТУЕВ. Да вы что?! Зачем? Не нужно!

С разных сторон появляются ОЛЬГА, ВАЛЯ, КАТЯ. Исполняя каждая свой сольный танец, собираются подле стола.

ЧЁРНЫЙ (*любуется женщинами*). Ишь, как расфуфырились, молодки! Попробуй тут, поживи праведно... (*ВАТУЕВУ*.) Ну, режьте свою правду матку! Винитесь, кайтесь!

ВАТУЕВ. Да не буду я ничего резать!

ЧЁРНЫЙ. А вот некоторые, например, утверждают, что правду говорить легко и приятно.

БЕЛЫЙ. Повинись, повинись! Легче станет.

ЧЁРНЫЙ (*ВАТУЕВУ*). Ну, давайте, давайте, винитесь! (*Выталкивает ВАТУЕВА к ЖЕНЩИНАМ.*)

ВАТУЕВ. Ну вы даёте!.. (*Откашливается.*) Девочки! Дорогие мои, хорошие! Я не виноват... То есть виноват, конечно, непростительно даже!.. Но так уж получилось... Понимаете?..

ЧЁРНЫЙ (*сострадательно*). Как они вас понимают! Как понимают!

ВАТУЕВ (*оглядываясь на ЧЁРНОГО с БЕЛЫМ*). Не могу я! Не знаю, что говорить! Глупо всё! (*ДАМАМ.*) Оля? Катя? Я не хотел так, не хотел!..

ЧЁРНЫЙ. А вы попробуйте все вместе жить? Одной родовой? Как хорошо-то будет!

БЕЛЫЙ. Свальный грех это будет!

ЧЁРНЫЙ. На этой земле всё можно, всё! (*Поёт.*) Человек шагает как хозяин!.. Эх! Однова живём!..

Загребает всех ЖЕНЩИН и валит на диван. Гаснет свет, визжат и хохочут ЖЕНЩИНЫ, а когда свет вновь загорается, на диване сидит ВАЛЯ и тербит ВАТУЕВА.

ВАЛЯ. Колюнчик! Колян! Просыпайся! Поздно уже!

ВАТУЕВ. Что? А! (*Приподнимается.*) Валюшечка! Дорогая моя! (*Обнимает ВАЛЮ.*) А где все... другие?..

ВАЛЯ. Какие другие? Одна я здесь...

ВАТУЕВ откидывается на подушку.

ВАЛЯ. Пить надо меньше! Графинчик-то пустой.

ВАТУЕВ. А ты чего?... Налить?

ВАЛЯ. Не за этим я! Спросить пришла... Слышь, у Катки, на работе, ни с кем ничего такого не наблюдается? Не замечал?

ВАТУЕВ *(откашливается)*. Почему спрашиваешь?

ВАЛЯ. Ой, даже не знаю, как сказать... Боюсь, залетела она у нас!

ВАТУЕВ. Подвинься! Сдавила же... Неужели не чувствуешь?

ВАЛЯ. Ты б сказал... *(Отодвигается.)* Тошнит её... мутит.

ВАТУЕВ *(садится)*. Да... дела...

ВАЛЯ. И что же мы такие бабы вечно несчастные, за что же все напасти на нас? А, Колюнчик? Ты бы хоть поговорил с ней, выведал! Со мной-то она молчит, не колетя! А саму крутит! Я же вижу... Поговоришь, а?

ВАТУЕВ. Поговорю. Встать можно?

ВАЛЯ. Вставай, конечно!

ВАТУЕВ. Я, между прочим, голый лежу.

ВАЛЯ. Голый?

ВАТУЕВ. Голый! Непонятно, да? Обнажённый!

ВАЛЯ. Понятно. А почему обнажённый?

ВАТУЕВ. Сплю я так! Без трусов! Нравится мне!

ВАЛЯ. Ну и спи. Я против, что ли? Ой, не могу! *(Валится на ВАТУЕВА.)* Что же вы, гады такие, с нами делаете, а? Что же вы делаете?..

ВАТУЕВ *(борясь)*. Валя... Валентина! Да перестань же!.. Ну!.. Всё, всё!

Входит КАТЯ.

ВАЛЯ. Истомилась я... Возьми меня, а?.. Хоть разочек возьми!

Борются, на замечая КАТИ.

КАТЯ. Мам!..

ВАЛЯ *(замирает, лёжа на ВАТУЕВЕ, оборачивается)*. Чего тебе... дочка?..

КАТЯ. Можно к Николаю Олеговичу обратиться? По личному?

ВАЛЯ. Я не знаю... *(Поворачивается к ВАТУЕВУ.)* Можно к вам? По личному?

ВАТУЕВ. Да встань же ты с меня! Ну?!

ВАЛЯ. Ой! Что это я? Лежу, что ли? *(Поднимается.)* А я ему говорю, Колян... Николаю, то есть, Олеговичу нашему, давай, говорю, тебе постель поправлю... а то, это... сбилась вся... в жамульку прям... И как завалюсь на постель-то! Такая корова стала... *(Бочком двигается к выходу.)* А ты, конечно, дочка, обратись... тем более, по личному... Обращайся, ага... Обращайся!

Уходит.

КАТЯ. Вы нынче в постели принимаете, Николай Олегович?

ВАТУЕВ. Можно сказать и так. *(Испытующе.)* Что у тебя, малыш? Плохо дело?

КАТЯ *(раздумчиво)*. Вот ты говоришь, аборт?..

ВАТУЕВ. Я этого не говорю.

КАТЯ. А если я потом рожать не смогу?

ВАТУЕВ. Такая опасность, разумеется, существует, но практически она нулевая.

КАТЯ. Про таблетки противозачаточные мне тоже самое говорили.

ВАТУЕВ. Во-первых, на аборте я не настаиваю... А во-вторых, рожай! Если, конечно...

КАТЯ. Что конечно?

ВАТУЕВ. Не боишься.

КАТЯ. Рожать?

ВАТУЕВ. Жить. Я могу и не успеть ещё одного на ноги поставить.

КАТЯ. Ну!..

ВАТУЕВ. Это ты с высоты своих лет так бодро нукаешь! А с моего пригорочка уже так не нукнешь.

КАТЯ. Да ладно прибедняться! Тебя ещё на миллион лет хватит!

ВАТУЕВ. Нет, малыш, уже не хватит.

КАТЯ. Значит, аборт?

ВАТУЕВ. Давай думать.

КАТЯ. Значит, аборт! Ну, ладно, пойду-ка я тогда, солнцем палимая...

ВАТУЕВ. Подожди!.. Сама-то ты что думаешь?

КАТЯ. Не знаю... Я бы родила.

ВАТУЕВ. Как?! Ты представляешь, что поднимется? Какой вой начнётся? Нас же загрызут! Камнями забросают! Родила бы она! Рожай! Дурное дело нехитрое!

КАТЯ. Мне можно идти? Разрешите?

ВАТУЕВ. Подожди!

КАТЯ. Чего ждать-то? Пока на мне Андрюшка женится?

ВАТУЕВ. Ну зачем?! Зачем? Андрюшку приплела! Ребёнка хоть не трогай!

КАТЯ. Да вы не бойтесь, Николай Олегович, я и вас не трону.

Направляется к выходу.

ВАТУЕВ. Подожди!.. Стой, я сказал! (КАТЯ останавливается.) Иди сюда! (КАТЯ подходит.) Садись! (КАТЯ садится.) Сразу плакать... Ну?.. (Обнимает КАТЮ. Она всхлипывает.) Слезами разве делу поможешь?

КАТЯ. Ты меня теперь бросишь, да? Не будешь со мной больше, да?

ВАТУЕВ. Дурочка. Какая же ты ещё дурочка. Рожать собралась! Ты же ещё дурочка!

КАТЯ. Пусты меня! (Вырывается.) Сам дурак!

ВАТУЕВ. Дурак! Ещё какой дурак! Во сто крат больший, чем ты!

КАТЯ. Не мучайся. Сама к тебе пришла, сама и уйду. Побуду ещё немножечко и уйду.

ВАТУЕВ. Куда? Андрюха знает, мать твоя догадывается... Затопили баню, надо париться!

КАТЯ. Она приставала к тебе, да, мамаша моя? А если бы я не вошла? У вас с ней, что, уже было... раньше?..

ВАТУЕВ. С ума сошла?

КАТЯ. Я же слышала... Возьми меня, хоть разочек! Ничего себе! А меня? Меня возьмёшь? Хоть разочек? А?..

ВАТУЕВ. Развратница!

КАТЯ. А кто меня развратил, кто?

ВАТУЕВ. А может быть, наперекор всему, родить дочку? И назвать Леночкой... Елена Николаевна... По-моему, звучит, а? И не спорь со мной! Моё право!

КАТЯ. Я не спорю. Я тебя люблю... такого... Люблю!

Обнимаются. И не видят, что входит ВАЛЯ.

ВАТУЕВ. Оскорбим, обидим, всех против себя восстановим! Но начнём жить заново. Сызнова, так сказать! Ничего, наладимся как-нибудь, ничего...

ВАЛЯ. Не наладитесь.

КАТЯ. Ты!.. *(Вскакивает.)* Подслушиваешь?!

ВАЛЯ. Подслушиваешь. И, слава Богу, что подслушиваешь! *(ВАТУЕВУ.)* Не бывать этому, Колян, не допущу!

КАТЯ. Тебе самой хочется, да?

ВАЛЯ. Дура неблагодарная! А ты подумала, как мы маме Оле в глаза посмотрим, подумала? Отвечай?!

ВАТУЕВ *(натягивает штаны)*. Ну, это уже наше дело в глаза смотреть. И знаешь что, раз ты в курсе всего, ступай! Не о чем особенно разговаривать.

Встаёт.

ВАЛЯ *(опешив)*. А мать ей кто?

ВАТУЕВ. Не голоси! Мать! Хочешь, чтоб руки твоей дочери попросил? Считаю, что попросил! Вопросы есть? Вопросов нет. Всё, колтыхай к своим помидорам!

ВАЛЯ *(убито идёт к выходу, останавливается)*. А как же Оля? Как же нам с ней жить теперь... после всего этого?

ВАТУЕВ. Весело жить! Ну, что смотришь? Залетели мы с ней, да! Прикажешь, под нож её отправить?

ВАЛЯ. А куда же ещё?! Под нож! *(КАТЕ.)* Да я твоего гадёныша собственной рукой выскоблю!

КАТЯ в страхе прикрывает живот.

ВАТУЕВ. Ну что ты несёшь, дура?! *(Обнимает КАТЮ.)* Не бойся её!

ВАЛЯ. Я-то дура! Только и по вашему не бывать! *(Подходит к дочери, хватая за руку.)* Домой пошли. Живо! *(Тащит её за собой.)* Тварь бессовестная!

КАТЯ. Пусти меня! *(Упирается.)* Не хочу я! Пусти! *(Отчаянно.)* Дядь Коля!

Вырывается и падает. Плачет.

ВАЛЯ. Как же ты её тронуть посмел, дядя Коля?

КАТЯ *(кричит)*. Я сама к нему пришла! Сама!

ВАЛЯ. Она же дочь тебе. Дочь!

ВАТУЕВ. Замолчи ты!.. с дочерью!..

ВАЛЯ. Замолчи?! *(Смотрит на ВАТУЕВА, на КАТЮ.)* Ну, хорошо... Раз вы так!.. *(КАТЕ.)* Кто твой отец? Ты меня всё раньше спрашивала? Не знаешь? Сейчас я тебе укажу. Вот он, — дядя Коля твой!

ВАТУЕВ. Ну, что ты дурь-то порешь? Чего?! Делать больше нечего?

ВАЛЯ. Нечего, ага?! А думаешь, зачем я для неё *(показывает на КАТЮ)* отчество твоё выпросила у вас с Олечкой? Понял теперь, зачем, нет?

ВАТУЕВ. Ты же говорила, что от какого-то турка забеременела! Поэтому и отчество моё берёшь! Чтоб я иногда только... как отец её был... Понарошку!

ВАЛЯ. Понарошку? Понарошку и говорила! А что я ещё могла сказать? Что пока Олечка в роддоме лежала, ты ко мне пьяный шастал? Да мне Олечка, как сестра родная! Даже лучше! *(КАТЕ.)* А ты... давай... рожай теперь от него... отца своего! Твой черёд настал!

ВАТУЕВ *(КАТЕ)*. Да врёт она всё! Нагло врёт!

ВАЛЯ (*отстранёно*). Дело ваше. Я своё сказала... Ты — дочь, он — отец... Разбирайтесь теперь... как хотите...

Тяжело уходит.

ВАТУЕВ. Она врёт, Катя, врёт!

КАТЯ. А если нет? Ты же с ней был? Был!

ВАТУЕВ. Был, не был! У неё знаешь, сколько перебивало?

КАТЯ. И Андрюшка как раз на девять месяцев меня старше. Ни хрена себе прикол... Отец мой! Папа...

ВАТУЕВ. Да нет же, чёрт подери, нет!

КАТЯ. Прямо индийский фильм получается.

Уходит.

ВАТУЕВ. Пстой! (*Бросается следом.*) Катя?! (*Останавливается, всматривается в простенок. Тихо.*) Оля? Это ты?.. Оля... (*Берёт ОЛЬГУ за руку, выводит.*) Ты давно здесь? Оля! Почему ты молчишь? Ты всё слышала? Почему ты молчишь, Оля?

ОЛЬГА. Я не молчу.

ВАТУЕВ. Это всё не так, Оля! Всё не так!..

ОЛЬГА. Так, не так... (*Протягивает записку.*) Андрюша сбежал.

ВАТУЕВ. Куда? (*Берёт из руки ОЛЬГИ записку, читает.*) «Мама, прости. Я уехал на Кавказ. Твой любящий сын, Андрей». (*Комкает и бросает записку.*) Любящий сын! Пошляк!

ОЛЬГА. Это мой сын... (*Поднимает записку, идёт к выходу.*) Последний...

ВАТУЕВ. Куда ты?! Подожди!.. (*Хватает ОЛЬГУ за руку.*) Я найду его, верну!..

ОЛЬГА. Пожалуйста!..

Освобождает руку, идёт к выходу.

Вбегает ВАЛЯ. При виде ОЛЬГИ впадает в оцепенение.

ВАЛЯ. Оля... Олечка!.. (*Падаёт на колени.*) Прости нас, Олечка! (*ВАТУЕВУ.*) Катя!.. Катя!.. К реке побежала, к обрыву!.. Как бы чего не сделала!.. Олечка! Золотая моя!.. (*ВАТУЕВУ.*) Я не догоню её... Беги!..

ВАТУЕВ. Да, да... я сейчас...

Хватается обеими руками за голову и валится в кресло.

ВАЛЯ. Олечка моя! Подруженька верная!..

ОЛЬГА (*не видя упавшего ВАТУЕВА*). Некогда, Валя... Извини...

Освобождается от ВАЛИ и, не оглядываясь, уходит.

ВАТУЕВ, костенея, тянет руку к уходящей ОЛЬГЕ.

И ВАЛЯ с распростёртыми к ней руками стоит на коленях.

ГОЛОС ЧЁРНОГО. И сказано было: «Финита ля комедия!». А тут она, возьми, и снова начнись!

ВАТУЕВ сползает с кресла. Рука его, с возникшей в ней чёрно-белой картой, безжизненно шлёпается на пол.

ГОЛОС БЕЛОГО (*потерянно*). Мать честная!..

В ответ — дурашливый, глумливый хохот.

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Квартира ВАТУЕВА.

ОЛЬГА сидит, поджав ноги, на диване, читает книгу. Звонок в дверь. ОЛЬГА слушает, звонок повторяется ещё и ещё. Откладывает книгу, идёт к двери, открывает.

ВАЛЯ (врывается в дом). Олечка! Гони, не гони, а всё равно не уйду! Край пришёл, край!

ОЛЬГА молча проходит в комнату.

ВАЛЯ (идёт за ней). Виноваты мы перед тобой, Олечка, век не отмолимся. Но и нам, золотая, досталось. Не выдюжим! Квартира однокомнатная, кот живёт, мы — двое, ещё и полковник просится! А за ним теперь уход нужен, условия... Под себя сходит, неделю не продохнёшь...

ОЛЬГА. Что ты несешь? О чём ты?

ВАЛЯ. О Колечке, Олечка, о Колечке! Господи! Ударило ведь его, сильно ударило! Ты — за дверь, а мы с ним на полу так и остались, в корчах. Я-то ничего, выпрямилась, а с ним плохо дело. Из больницы везу.

ОЛЬГА. Из больницы?

ВАЛЯ. Из неё проклятой. Думала, оклемается или околеет... А теперь всё, край пришёл, Оля, край! А тут ещё полковника жена прогнала...

ОЛЬГА. Где он?

ВАЛЯ. Полковник? В машине сидит.

ОЛЬГА. Я не про полковника спрашиваю!

ВАЛЯ. И Коля там... Там же! Внизу! С Катей. Аборт мы ведь ей сделали, Кате-то... Легко сделали, без осложнений... Сейчас хорошо делают, быстро... Вошла и вышла... Олечка, как же, миленькая? Принимай мужа-то! (ОЛЬГА молчит.) Край ведь пришёл, край...

ОЛЬГА. Веди.

ВАЛЯ. Подружка моя! Единственная! Золотая! Простишь ли меня когда?

Пытается обнять ОЛЬГУ.

ОЛЬГА (уклоняется). Прошу тебя!..

ВАЛЯ. Не буду, не буду!..

Уходит.

ОЛЬГА начинает лихорадочно прихорашиваться. Осердясь, отбрасывает помаду и ожесточённо вытирает губы.

В комнату вводят ВАТУЕВА. У него волочится правая нога, рука висит на подвязке, рот полуоткрыт, взгляд беспомощен и испуган.

ВАЛЯ. А вот и мы... Тихонечко, тихонечко... Домой вернулись, домой...

ОЛЬГА. Боже мой...

Увидев ОЛЬГУ, ВАТУЕВ начинает неудержимо плакать.

ВАЛЯ. Вот мы теперь какие, вот...

Плачет.

КАТЯ. Перестань, мама, перестань!

Она едва удерживает обвисшего ВАТУЕВА.

ОЛЬГА (*бросаясь к ней*). Сюда, сюда! (*Поддерживая ВАТУЕВА, усаживает его в кресло.*) Почему от него так пахнет?

ВАЛЯ. Может, обмочился уже. (*Щупает ВАТУЕВА.*) вроде нет пока, сухо.

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю...

ОЛЬГА (*в страхе*). Что?!

ВАЛЯ. Сердится на что-то... (*Прикрикивает на ВАТУЕВА.*) Сиди теперь! Довёл всех и сиди! Дома!

ОЛЬГА. Что он говорит?

ВАЛЯ. Он не говорит, Олечка, только урлююкает.

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю...

ВАЛЯ (*ВАТУЕВУ*). Вот тебе и урлюю! (*ОЛЬГЕ.*) То ли сердится на что-то, то ли жалуется... Не поймешь его теперь. Видишь, здоровой рукой что выделяет? Показывает что-то, а что?..

ОЛЬГА. Что же вы с ним сделали?!

ВАЛЯ. Да что же мы с ним сделали-то, Олечка? Господь с тобой! Он же ещё при тебе упал... А ты ушла и не оглянулась даже... Мы скорую вызвали, они — инсульт, говорят...

ОЛЬГА. Боже мой! (*Всматривается в ВАТУЕВА.*) Боже мой!

ВАЛЯ. Понимать-то он маленько понимает. И ест хорошо, и в туалет просится, но, бывает, озорничает... С ним теперь построже надо. Прикрикнешь когда, слушается. О, слюни-то распустил, безобразник! (*Достаёт платок, вытирает ВАТУЕВУ губы; ОЛЬГЕ.*) Ты не думай, мы тебя с ним не бросим. Я приходите буду... Мыть, если захочешь, стирать за ним, убираться...

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю...

ВАЛЯ. Не оставим. Как ни как, а не чужие теперь.

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю...

ВАЛЯ. Куда же денешься? Вот и Катя поможет. (*КАТЕ, дёргая её за руку.*) Попросить-то чего хотела, проси!

КАТЯ (*ОЛЬГЕ*). Мне от вас, как от учредителя, доверенность нужна на управление фирмой. Если хотите, конечно...

ВАЛЯ. Там тоже край пришёл, Олечка... Долги одни, да обязательства... (*Кивает на КАТЮ.*) Я ей говорю, не ввязывайся, не разгребёшь, а она — попробую!

КАТЯ. Мне Аркадий Семёнович поможет.

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю...

КАТЯ. Я с ним советовалась вчера... (*Опускает голову.*) Если хотите, конечно...

ОЛЬГА (*глядит на ВАТУЕВА*). Я думала, он запил...

ВАЛЯ. Куда ему! Отпился теперь, отгулялся. (*Участливо.*) Андрюшенька хоть пишет чего?

ОЛЬГА (*КАТЕ*). Есть ли смысл с фирмой?

КАТЯ. Есть. Да вы у Аркадия Семёновича лучше спросите...

ВАЛЯ. Доверься, Олюшка. Может, что и выйдет... Денег-то теперь прорва нужна. Вместе выкарабкаться надо, вместе!

ОЛЬГА (КАТЕ). Что же... ты — его дочь...

ВАЛЯ. Олечка! Святая моя! Одна ведь семья-то у нас, одна! Вместе выкарабкаться надо, вместе!

ОЛЬГА. Насчёт семьи... это уж как-нибудь без меня... (КАТЕ.) Всё, что нужно, я подпишу, приноси.

КАТЯ. Спасибо. Я стараться буду, честно... И... Простите меня, Ольга Дмитриевна, простите! (Всхлипывает, плачет.) Если можете, конечно...

ВАЛЯ (слёзно). Мама Олечка простит, простит!

ОЛЬГА (КАТЕ.). Плакать теперь поздно. Тебе тоже досталось.

ВАЛЯ. Ох, досталось! Всем нам от него досталось! (Грозит ВАТУЕВУ.) Устроил инвалидную жизнь! Возись теперь с тобой!..

ОЛЬГА. Не нужно кричать. (Помолчав.) У вас всё?

ВАЛЯ. Всё, Олечка, всё, золотая, уходим. Идём, дочка, идём... Не будем мешать.

КАТЯ. До свиданья!

Идёт к двери.

ВАЛЯ. Олечка, если что, зови... мы мигом...

Уходит.

ОЛЬГА поворачивается к ВАТУЕВУ, который с идиотическим недоумением мнёт действующей рукой парализованную бесчувственную руку.

ВАТУЕВ (поднимает на ОЛЬГУ глаза, показывает парализованную руку). Урлюю, урлюю, урлюю...

ОЛЬГА. Один вернулся...

Плачет.

Затемнение.

Высвечивается стол. БЕЛЫЙ задумчиво поёт. ЧЁРНЫЙ зачарованно слушает. С последним звуком ЧЁРНЫЙ поворачивается к БЕЛОМУ.

ЧЁРНЫЙ. За Бога стоишь, а душа-то плачет!

БЕЛЫЙ. Грешным ликовать нельзя.

Квартира ВАТУЕВА.

ВАТУЕВ, чистый, причёсанный, сидит в кресле, ОЛЬГА стоит перед ним.

ОЛЬГА (демонстрируя). Вот коробок спичек. Ты должен брать по одной спичке, носить сюда, на тумбочку, и выкладывать здесь звезду. Вот эту. Я её тебе специально нарисовала. (Показывает рисунок.) Понятно?

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю...

ОЛЬГА. Давай, действуй! *(ВАТУЕВ продолжает сидеть.)* Что же ты? Берёшь спичку, несёшь сюда и кладёшь. Но не просто кладёшь, а так, чтобы в результате получилась звезда. *(ВАТУЕВ продолжает сидеть.)* Давай вместе... Вставай, вставай... *(Поднимает ВАТУЕВА.)* Так... Берёшь спичку... Нет, милый, не этой рукой... В этой, здоровой, у тебя палка будет... Держи! *(Вкладывает в руку палку.)* Бери теперь спичку, бери!

ВАТУЕВ. Урлюлю, урлюлю урлю...

ОЛЬГА. Знаю, что не хочется, но надо. Так... Бери! Вытягивай руку. Ну, давай же, давай! *(ВАТУЕВ, опираясь на палку, тянет руку за спичкой, берёт одну и оглядывается на ОЛЬГУ.)* Молодец, молодец, иди!.. *(ВАТУЕВ ковыляет к тумбочке.)* Да мы, оказывается, всё можем, не хотим только!

ВАТУЕВ. Урлюлю, урлюлю урлю...

ОЛЬГА. Клади спичку, клади...

ВАТУЕВ *(роняет спичку на пол)*. Урлюлю, урлю...

ОЛЬГА. Упала? Что же делать, бывает. Надо поднять. Тяжело, но надо. Согни ногу в коленке, согни, наклонись...

ВАТУЕВ. Урлюлю, урлю...

ОЛЬГА. Ничего не поделаешь — надо! *(В квартиру звонят.)* Поднимай, поднимай...

Уходит, впускает АРКАДИЯ с букетом цветов, с пакетами и сумками.

АРКАДИЙ *(вручает букет и перехватывает едва не упавшую сумку)*. С Днём Рождения тебя, Оля! Будь счастлива!

ОЛЬГА. Оно спасибо, конечно... Только я не предполагала... отмечать...

АРКАДИЙ. А мы возьмём и отметим!

Уходит с пакетами на кухню.

ОЛЬГА возвращается с букетом в комнату, где всё ещё пытается поднять упавшую спичку ВАТУЕВ.

ОЛЬГА. Аркаша пришёл. *(Показывает розы.)* Видишь, какие!

ВАТУЕВ. Урлюлю, урлю...

ОЛЬГА. Какой чудный запах! Розы лучше всего пахнут с мороза... *(ВАТУЕВУ.)* Подыши... *(Подносит к его лицу букет.)* Брось ты эту спичку, брось!

АРКАДИЙ *(входя)*. Ну, что тут у нас?

ВАТУЕВ. Урлюлю, урлюлю...

АРКАДИЙ. Всё буквально понял. *(ОЛЬГЕ.)* Занимаетесь?

ОЛЬГА. Спичку вот уронили.

АРКАДИЙ *(ВАТУЕВУ)*. Надо поднять.

ОЛЬГА. Ленился! Не хочет трудиться, не хочет.

АРКАДИЙ. А кто хочет? Все хотят на Канарах загорать. Кстати, я тут немножко денежек срубил, так что... *(Вынимает из кармана деньги, кладёт на стол.)* Здесь триста долларов...

ОЛЬГА. Аркаша...

АРКАДИЙ. Это долг, Оля. Я же говорил, занимал я у него... много занимал...

ОЛЬГА. Почему-то я тебе не верю.

АРКАДИЙ. Ну и напрасно. *(ВАТУЕВУ.)* Хоть бы ты ей подтвердил. Нет, не можешь подтвердить?

ВАТУЕВ *(падает на пол)*. Урлюлю, урлюлю урлю...

ОЛЬГА. Упал? Ну и ничего страшного, сейчас встанем. (*Подходит к ВАТУЕВУ.*) А вот и спичка! Поднимай уж и её заодно.

Помогает ВАТУЕВУ подняться.

АРКАДИЙ (*помогает с другой стороны*). Знал бы он себя такого, застрелился бы... Стопроцентно!

ОЛЬГА. Жить все хотят.

Усаживают ВАТУЕВА в кресло.

АРКАДИЙ. Так не хотят. Уж чего-чего, а Ватуев собой обременять не любил.

ОЛЬГА. Это ты о Кате? Или ещё о ком?

АРКАДИЙ. Действительно... Чёрт! Некоторая двусмысленность получилась. Извиняй!

ВАТУЕВ. Урлюлю, урлюлю урлю...

АРКАДИЙ. Да уж, брат, урлюлю!

ОЛЬГА. Может, у него ещё где-то дети есть?

АРКАДИЙ. Кто знает? Вроде, не должно... Хотя...

ОЛЬГА. Я одного только понять не могу... Все про всё знали, все! Вам, что же, всё равно было, да?

АРКАДИЙ. Не надо об этом, Оля...

ОЛЬГА. Я понять хочу... Мне непонятно!

АРКАДИЙ. Что ж тут непонятного? Ну, во-первых, про Катку я не знал, честно. А что касается других-прочих... Это же всем известно было... Ватуев, если стакан вломит, ему и бабу подавай. Да и то, надо сказать, они сами на него гирляндами вешались. Неизвестно, кто кого брал, он их или они его?

ОЛЬГА. Какая мерзость!

АРКАДИЙ. Мерзость, конечно. Но она, Оля, была ему, так сказать, присуща, даже, как ни странно, в чём-то словно бы украшала его. Что такое Ватуев без женщин, без оргий, без... безгрешный, словом, Ватуев? Я лично такое даже не представить не могу!

ОЛЬГА. А я?

АРКАДИЙ. Что ты?

ОЛЬГА. Неужели вам всем меня было не жалко?

АРКАДИЙ. Он ведь не издевался над тобой, Оля, не мучил. Всё у вас шло вполне нормально. Как тут скажешь? Только со зла разве...

ОЛЬГА. Я теперь всё время думаю... не могу не думать... Может, я что-то неправильно делала? Может, надо было жить его жизнью? Ходить вместе с ним по его знакомым, пить, курить? Принимать его пьяного, исполнять его развратные фантазии? Но, если я всего этого не могла, не хотела, то зачем же он жил со мной? Из году в год. Вся жизнь! Он ведь знал, какая я. Знал, знал!

Плачет.

АРКАДИЙ (*обнимает ОЛЬГУ*). Таких, как ты, нет, Оля, нет!

ВАТУЕВ (*угрожающе*). Урлюлю, урлюлю урлю!

АРКАДИЙ. Чего это он?

ОЛЬГА (*всхлипывая*). Не нравится, что ты меня обнимаешь.

АРКАДИЙ. Серьёзно? Ну-ка, погоди...

Прижимает ОЛЬГУ к себе.

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю урлю!

АРКАДИЙ. Ты только погляди на него!

Прижимает ОЛЬГУ.

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю урлю!

ОЛЬГА. Не надо...

Освобождается.

АРКАДИЙ. Это, что же, получается: ничего нет, а самец остался?

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю урлю!

АРКАДИЙ. Ах, ты скотобазина. Ублюдок, животное!..

ОЛЬГА. Не надо так, Аркаша, не надо...

АРКАДИЙ. Ну да, конечно! Мы все должны являть перед ним беспредельный оптимизм и полную веру в его неперенное выздоровление! А он выздоровеет и опять начнет всем сукам хвосты заворачивать.

ОЛЬГА. Не надо, Аркаша... Я же прошу... Не надо!

АРКАДИЙ. Спрашиваешь, почему я молчал? А что я мог сказать? Я же его другом считался. Он же мне рассказывал про все свои похождения. Даже про тебя рассказывал, хотя и знал, что я люблю тебя. (ВАТУЕВУ.) сволочь!

ОЛЬГА (со страхом). Что рассказывал?

АРКАДИЙ. Всё! Как вы в постели с ним!

ОЛЬГА. И ты слушал?

АРКАДИЙ. А как же? Вынужден был! Он же со мной как с другом делился!

ОЛЬГА. Мразь!

АРКАДИЙ (пугаясь). Оля! Я же не просил!.. Он сам!..

ОЛЬГА. Знаешь, чего я хочу? Больше всего на свете? Чтобы хоть на минуточку к нему вернулось сознание. И тогда бы...

Замолкает.

АРКАДИЙ. Что тогда?

ОЛЬГА. По щекам его подлым, по щекам! Ничего более не хочу, ничего!

АРКАДИЙ. Долго ж тебе ждать придётся.

ОЛЬГА. Я подожду.

АРКАДИЙ. Не дождёшься, Оля. Оттуда, где он сейчас, не возвращаются.

ОЛЬГА (ВАТУЕВУ). Ты почему сидишь? Я тебе что велела делать? Спички носить! Вот вставай и носи. Вставай же!

Дёргает ВАТУЕВА из кресла.

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю урлю...

АРКАДИЙ. Оля, Оля! Ну, успокойся, пожалуйста... Ну, всё, всё, тихо, оставь его...

Отводит от ВАТУЕВА.

ОЛЬГА. Прости меня, прости. Разоралась, как заполошная...

АРКАДИЙ. Заорёшь тут... Это я виноват. Нужно было открыть тебе всё... Я же тебя беречь должен! (*Обнимает ОЛЬГУ.*) Ты ведь моя судьба.

ОЛЬГА (*горько*). Какая я судьба?

АРКАДИЙ. Неосуществимая. Вечно любимая, вечно желанная, и не моя? Что же это, если не судьба?

ОЛЬГА. Что он про меня рассказывал? Что я плохая, да?

АРКАДИЙ. Что ты?! Наоборот! Да я и не слушал очень! Для меня это не имеет никакого значения. Мне, главное, видеть тебя, слышать, рядом быть... Оля!..

Обнимает ОЛЬГУ.

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю урлю!

ОЛЬГА. Мы ведь могли быть счастливы.

АРКАДИЙ. Мы ещё будем счастливы, Оля, будем!

ВАТУЕВ. Урлюю, урлюю урлю!

АРКАДИЙ (*отстраняя ОЛЬГУ*). Или ты не о нас? Ты про него? (*Показывает на ВАТУЕВА пальцем.*) Про идиота этого?

ОЛЬГА. Я про всех нас. Ладно, у меня сегодня день рождения, кажется... Благодаря тебе...

АРКАДИЙ. Кстати! Я же ещё не сделал главного подарка. (*Смотрит растроганно на ОЛЬГУ.*) Но для этого, дорогая, тебе надо выйти на улицу и зайти в соседний дом... В новый, замечательный Салон красоты!

ОЛЬГА. Салон красоты?

АРКАДИЙ. Его только что открыли. Всё блестит и сверкает! Спросишь мастера Ларису, назовешь себя... Твой сеанс (*смотрит на часы*) через десять минут и, поскольку всё оплачено, сопротивление бесполезно.

ОЛЬГА. Я ужасно выгляжу, да?

АРКАДИЙ. Ужасно. Во всяком случае, он (*указывает на ВАТУЕВА*) выглядит лучше, а это несправедливо.

ОЛЬГА. Ему обедать через полчаса.

АРКАДИЙ. Ничего, потерпит. А если копыта откинёт, тоже не беда.

ОЛЬГА. Не надо так шутить, Аркаша.

АРКАДИЙ. Я не шучу. Это уже не Ватуев, Оля (*хлопает ВАТУЕВА по плечу*), не Ватуев!

ВАТУЕВ. Урлю, урлюю...

АРКАДИЙ. Ватуев умер, исчез. А перед нами даже не подобие его, а какое-то вопиющее оскорбление. Ватуев убил бы этого ублюдка, не задумываясь, и был бы счастлив. И чем быстрее ты это поймёшь, тем тебе же лучше станет.

ОЛЬГА. Лучше это как?

АРКАДИЙ. Без него! (*Показывает на ВАТУЕВА.*) Нам всем без него будет лучше.

ОЛЬГА молчит.

АРКАДИЙ. Ладно, ушёл готовить. (*Уходя.*) Это не Ватуев, Оля, не Ватуев...

Уходит.

ОЛЬГА (*тихо, глядя на ВАТУЕВА*). Ватуев, это ты? Ватуев?..

ВАТУЕВ *поднимается и идёт прямо на ОЛЬГУ, тем самым пугая её. Он берёт со стола спичку и несёт её к тумбочке, кладёт и возвращается за следующей.*

ВАТУЕВ. Урлюлю, урлюлю урлю...

ОЛЬГА. Молодец, молодец...

Плачет.

Затемнение.

ВАТУЕВ *носит спички, а ВАЛЯ и КАТЯ накрывают праздничный стол. Они приходят с тарелками в руках, ставят их и уходят.*

ВАЛЯ (*войдя в очередной раз и в раздумье, оглядывая стол*). Куда же ставить-то? (*Вошедшей КАТЕ.*) Места нет.

КАТЯ. Поставь куда-нибудь.

Ставит свою тарелку.

ВАЛЯ. О! Да разве ж здесь ей место?

КАТЯ. Мне всё равно. Мне уходить пора.

ВАЛЯ. Подождёшь! (*Что-то переставляет на столе.*) Так что ли? Или вот так? (*Переставляет.*) Как лучше-то?

КАТЯ. Никак! Я опаздываю.

ВАЛЯ. Подождёшь! (*Кричит на кухню.*) Арканчик! Не режь больше колбасы, хватит! Слышишь меня?.. Аркаш!..

ВАТУЕВ (*недовольно*). Урлюлю, урлюлю урлю...

ВАЛЯ. О! Не нравится, что кричу. Нежный какой стал! (*КАТЕ.*) Парикмахерская в соседнем доме.

АРКАДИЙ (*входя*). Кто меня звал?

ВАЛЯ. Ору ему не режь колбасы, а он целую гору навалял! Ну, куда ставить-то, куда?

АРКАДИЙ. Определим. (*Примеривается.*) Все стонем, бедно живём...

КАТЯ. Вы и без меня ей всё скажете.

ВАЛЯ (*АРКАДИЮ*). Ну, куда же ты снёшь? Видит, что не лезет, а снёт! Какие вы все!.. (*Возвращает АРКАДИЮ тарелку.*) Неси свою колбасу на кухню... Не нужна она здесь...

АРКАДИЙ. Тексты у тебя, Валентина, очень даже двусмысленные... (*КАТЕ.*) На свидание, что ли, торопишься, Кэт?

КАТЯ. На деловое свидание, Аркадий Семенович, на деловое.

АРКАДИЙ. Ну-ну. (*ВАЛЕ.*) Молодец у тебя дочка-то, молодец!

ВАЛЯ. Молодец. Пока опять не обрюхатили.

КАТЯ. Не надоело ещё?

ВАЛЯ (*на ВАТУЕВА*). Теперь вот спички носит. Будто бы и не было ничего!

КАТЯ. Оставь его!

ВАЛЯ. Да на кой он мне нужен? (*Заглядывает на выложенные ВАТУЕВЫМ спички.*) Ты чего кладёшь, балда? Тебе же звезду велели сделать!

Хочет что-то поправить.

ВАТУЕВ (*угрожающе*). Урлюлю, урлюлю урлю!..

ВАЛЯ. У, балда! Заурлюкал... Вот отдадим тебя в пансионат!..

КАТЯ. Оставь же его! Не трогай!

ВАЛЯ. А ты не защищай! Защитница нашлась!

КАТЯ. Всё! Ухожу! Сами скажете! Трёхразовое питание, занятия, врачи, свежий воздух... Всё, как положено.

АРКАДИЙ. Надо, чтобы именно ты это и озвучила. Мол, прекрасные условия и всё такое прочее! Поняла? А я будто бы здесь абсолютно не причём. Впервые об этом пансионате слышу.

ВАЛЯ. Не бойсь, не выдадим! А там, глядишь, скоро из своей однокомнатной и сюда переберёшься. Чего ей одной-то в этих хоробах куковать?

АРКАДИЙ. Тьфу-тьфу-тьфу! Загад не бывает богат.

Скрипит, стучит входная дверь.

АРКАДИЙ. Тихо! Идёт...

Входит с букетом АНДРЕЙ.

ВАЛЯ. Ой!

АРКАДИЙ. Японский городской! Андрюха! Ты откуда свалился?

АНДРЕЙ. С гор кавказских! А мама где?

ВАЛЯ. Андрюшенька! (*Обнимает АНДРЕЯ.*) Хоть не убили тебя дурачка. Живой! Вот мать-то обрадуется!..

АНДРЕЙ. А где она?

ВАЛЯ. В парикмахерскую ушла. Ждём!

АРКАДИЙ. Ну, Андрюха, удивил... Дай хоть обниму тебя, что ли.

Обнимает.

АНДРЕЙ. Я не поздоровался... (*Смотрит на КАТЮ, на застывшего в нелепом полуобороте ВАТУЕВА*). Не ожидал увидеть... всех вместе... (*АРКАДИЮ.*) А мама скоро придёт?

АРКАДИЙ. Да с минуты на минуту!

ВАЛЯ. В соседнем доме салон-то!

АНДРЕЙ. Здравствуй... отец!..

ВАТУЕВ (*начинает трястись и плакать, и теперь видно, что он страшно болен*).
Урлюлю, урлю...

АНДРЕЙ (*в страхе пятится*). Ты чего?.. Чего это он, а? Бать?..

ВАЛЯ (*с плачем*). Парализованный у нас батя-то! Парализованный!

ВАТУЕВ (*плача*). Урлюлю, урлюлю урлю...

Входит ОЛЬГА.

ОЛЬГА. Андрюша!..

Опускается на пол.

АНДРЕЙ. Мама! *(Бросается к ней.)* Мамочка моя!

ОЛЬГА. Андрюшенька! *(Обнимаются на полу.)* Сыночек мой!

ВАТУЕВ. Урлюлю, урлюлю урлю...

Топчется рядом с женой и сыном.

КАТЯ спазматически вскрикивает и, рыдая, убегает.

ВАТУЕВ начинает оседать, падать.

ВАЛЯ *(пытаясь подхватить ВАТУЕВА)*. Куда же?.. Оля, Олечка! Плохо ему опять! Не удержу!

ОЛЬГА *(АРКАДИЮ)*. Скорую! Скорее! *(Подхватывает ВАТУЕВА.)* Ноль три!

АРКАДИЙ. Да знаю я!

Уходит к телефону.

ОЛЬГА, ВАЛЯ, АНДРЕЙ склоняются над ВАТУЕВЫМ и действуют пантомимически, соответственно моменту: пытаются привести ВАТУЕВА в чувство, переносят на диван.

На краю сцены появляется КАТЯ.

КАТЯ. Я росла на его руках, плечах, шее... Прыгала на животе, терлась о колючие щёки и никогда, никогда не хотела, чтобы он был моим папой. Мне всегда хотелось, чтобы он был моим мужчиной. Об этом не догадывался никто, и даже я сама... до последней минуты... Она длилась очень долгие годы. Потом это произошло... В гастрономе. Я была в новом взрослом платье, и затылком почувствовала чей-то взгляд, чьё-то проникающее в меня любованье. Обернулась, не спеша, как оборачиваются знающие себе цену женщины. Это был он. А это была я. И пока, удивленные и обрадованные, мы смотрели друг на друга, я отчётливо поняла, что должна помочь нам, обоим. И я помогла. Пришла к нему в предзакатный час несбыточных снов... с мокрыми от росы ногами... с гусиными пупырышками на застывшей коже... дрожащая от храбрости и любви... Ему ничего не оставалось, как только взять меня... Кровосмешение?! Пусть!

АНДРЕЙ *(на другом краю авансцены)*. Отец! *(Сокрушает руками нечто невидимое.)* Мне всегда хотелось называть тебя батей! А ты запрещал! *(Сокрушает нечто невидимое.)* Не нравилось тебе. Ладно, дело твоё... Но ты отказался от меня, отец. Я ведь был твой. Я же помню. Ванечка — маменькин, Андрюшечка — папенькин... А когда Ванечки не стало, ты меня отдал... Матери, конечно, отдал... но всё равно... *(Сокрушает руками нечто невидимое.)* Отдал! *(Сокрушает руками нечто невидимое. Смотрит на КАТЮ.)* С ней ты меня тоже... чётко обставил. Честно скажу, не ожидал. *(Смотрит на КАТЮ.)* Катя?

КАТЯ. Чего тебе?

АНДРЕЙ. Умирает батяня-то. Кранты!

КАТЯ. Пусть.

АНДРЕЙ. Ты, это, зла на него не держи... Ошибся мужик... С кем не бывает...

КАТЯ. Он не мужик. Он — отец мой.

АНДРЕЙ. В каком смысле отец?

КАТЯ. Я дочь его. Понял?

АНДРЕЙ. Нет. Почему дочь-то?

КАТЯ. По кочану! Он и с моей матерью тоже... батяня твой... Понял теперь?

ВАЛЯ (*зовёт*). Андрюша, Катя, деточки! Идите прощаться!

АНДРЕЙ и КАТЯ направляются к дивану.

ВАЛЯ. Отходит. Доктор сказал, скоро уже... (*ОЛЬГЕ.*) Священника бы позвать...

АРКАДИЙ. Где ж его взять священника? Ничего, Бог всех принимает. Начнём?..

ОЛЬГА. Прощайтесь.

Встаёт, отходит.

АРКАДИЙ. Тогда я первый, что ль?.. (*Трёт лоб.*) Прости меня, Коля, если что не так было. А я тебя прощаю... Прощаю... (*Отходит, вспомнив, возвращается.*) Да: за жену и сына не беспокойся, не оставляю... Спокойно уходи... на счёт этого, спокойно...

Отходит.

ВАЛЯ (*горячим шёпотом*). Что ж не поцеловал? Надо было хоть в лоб!..

АРКАДИЙ (*шёпотом*). Ты за меня поцелуешь... дважды!

Отходит ещё дальше.

АНДРЕЙ. А это правда? Она, дочь его? (*показывает на ВАТУЕВА*) А я — сын, то есть этот... брат её?..

ОЛЬГА. Мы все здесь, как выяснилось, родственнички.

АРКАДИЙ. Кроме меня, Оля, кроме меня!

ВАЛЯ. Да и ты нам не чужой! Чужой, что ли? Ой, да все мы здесь... переплелись-перепутались... такой клубок!.. (*Опускается на колени перед ВАТУЕВЫМ*) Коленька! Сокол ты наш ненаглядненький! Касатик ты наш родной! (*Отворачивается, вопит.*) Ох, виновата я, виноватая! Не могу! Не могу! Не дочь она ведь тебе, моя Катя, не дочь!

Повисает молчание.

КАТЯ. Не дочь? Что ты сказала? Не дочь?!

ВАЛЯ (*поворачивается ко всем*). Обманула я вас всех, из-за Олечки обманула... Олечку пожалела... подруженьку мою золотую! Думала, перепугаю их, любовников-то этих долбанных, аборт сделают, и шито-крыто... (*КАТЕ.*) Разве ж так можно? Они ведь нам как родные! Какая любовь? Срам!

КАТЯ. Это у тебя срам.

ВАЛЯ. И у меня срам! И у всех! Всех он нас осрамил, Колян-то наш ненаглядный!

АРКАДИЙ. Да, Валентина, можешь ты народ удивить, ничего не скажешь.

ВАЛЯ. А что же делать? Приходится! (*Поворачивается к ВАТУЕВУ.*) Прости уж меня, Коленька, прости, а я тебе, дорогой, всё-всё прощаю, раз и навсегда! (*Целует в губы.*) Всё, всё, всё... раз и навсегда... (*Припадает к ВАТУЕВУ, плачет.*) Ведь какой мужчина-то был! Какой мужчина! Не устоять!

ОЛЬГА. Следующий!

ВАЛЯ. Прощай, Колюшка, прощай золотой! *(Целует в лоб, отходит; КАТЕ.)*
 Попрошайся и ты, дочка... исполни долг...

КАТЯ. Я уже исполнила, мама.

ВАЛЯ. Когда ж?..

КАТЯ. Осталось только тебя поблагодарить... Спасибо тебе, мама! Огромное-преогромное спасибо!

Кланяется и уходит.

ВАЛЯ. Ну вот! Не надо было говорить, да? *(Кивает на ВАТУЕВА.)* Он-то всё равно уж не слышит.

АРКАДИЙ. Кто знает, что он сейчас слышит? *(Подходит к ВАТУЕВУ, щупает пульс.)*
 Между прочим, так он ещё долго отходить может. У меня дядька в Харькове...

ОЛЬГА. Я прошу извинить... Но мы хотели бы остаться одни... с сыном...

АРКАДИЙ. Да-да, конечно... *(Отходит от ВАТУЕВА.)* Пойдем, Валюха, пойдем!

ВАЛЯ. Олечка!.. Золотая моя!..

АРКАДИЙ. Пойдём! *(Подталкивает ВАЛЮ к выходу; ОЛЬГЕ с АНДРЕЕМ.)* Звоните, если что... в любую минуту...

ВАЛЯ. Ага... если помрёт, не стесняйтесь... *(Окидывает взглядом стол.)* Наготовили всего!.. Ну, сами съедите...

АРКАДИЙ. Да пойдём же, чёрт!..

АРКАДИЙ уводит ВАЛЮ.

ОЛЬГА. Ты, наверное, голоден, сын? Давай поедим. Хочешь?

АНДРЕЙ. А он?

Показывает на ВАТУЕВА.

ОЛЬГА. А он пусть умирает. *(Отходит от ВАТУЕВА к столу, выдвигает стул.)*
 Садись!

АНДРЕЙ. Вообще-то есть хочется... *(Садится.)* А может, на кухню переберёмся?

ОЛЬГА *(что-то накладывая в тарелку)*. Зачем же на кухню? У нас сегодня, Андрюшенька, праздники. День моего рождения — раз, день твоего возвращения — два... Открывай шампанское!

АНДРЕЙ *(берёт бутылку)*. А ещё какой? Ты не договорила...

ОЛЬГА. Договорю. День его смерти — три.

АНДРЕЙ. Это не праздник, мама.

ОЛЬГА. Теперь будет. Вместе с моим днём рождения. Открывай шампанское, открывай!

АНДРЕЙ. Я уже открыл.

ОЛЬГА. Так тихо?

АНДРЕЙ. Громко открывают только пижоны. Так папа говорил. И всегда бабахал.

ОЛЬГА. Не будь пижоном, сын. *(Поднимает фужер.)* Ну, с возвращением!

АНДРЕЙ. С днём рождения, мама!

Звенит хрусталь.

Затемнение.

Хрустальный звон переходит в колокольный.

У дивана ВАТУЕВА сидят в белых халатах БЕЛЫЙ и ЧЁРНЫЙ.

ЧЁРНЫЙ. Однако, засиделись. *(Поднимается.)* Пора!

БЕЛЫЙ. Погодь. Команды ещё не поступало.

ЧЁРНЫЙ. Формалист! Всё ещё надеешься?

БЕЛЫЙ. И не перестану!

ЧЁРНЫЙ. Наш он, наш!

Довольно смеётся.

БЕЛЫЙ. Вот чему ты только радуешься? Его там такие муки ожидают.

ЧЁРНЫЙ. Ты прикинь, чужак! Ну вот, допустим, был бы он безгрешен. Вознесся бы в рай, и уж на землю бы точно не вернулся. Разве по какому-нибудь исключительному случаю... А так, после нашей варки-переплавки, глядишь, и снова в строю... Лево! Правой! Лево! Правой!

БЕЛЫЙ. Ведь не возбраняется вам ничего, вот что удивительно! Что хотите, то и плетёте, хоть языком, хоть делом.

ЧЁРНЫЙ. Свобода, братец, — превыше всего.

БЕЛЫЙ. Погибель это, а не свобода!

ЧЁРНЫЙ. Ничего, живём-с, не жалуемся!

БЕЛЫЙ. Оно, конечно, когда удержу нет, хорошего ждать не приходится. Поэтому и распускают вас безо всяких ограничений. Всё дозволено, всё!

ЧЁРНЫЙ. Запретов не ведаем, это правда. А тебе, чай, завидно?

БЕЛЫЙ. Мы, как завещано, живём, во исполнение!

ЧЁРНЫЙ. Скучота всю-то жизнь лоб одинаково крестить.

БЕЛЫЙ. Да ведь по иному от вас не оборониться. Ни одной ведь тонюсенькой щёлочки вам оставлять нельзя, всюду лезете, всё разъедаете. А для чего? Чтобы развратить и унижить! Только Господь попускает, да не допускает. Не возвысится вам, нет!

ЧЁРНЫЙ. Как падёте, так и возвысимся.

БЕЛЫЙ. Врёшь! Устоит Русь православная, воспрянет!

ЧЁРНЫЙ. Чу! *(Вслушивается во что-то, разочарованно.)* Ну-у-у!..

БЕЛЫЙ *(встаёт, широко крестится)*. Слава тебе, Господи! *(Съжившемся ЧЕРНОМУ.)* Скис?!

ЧЁРНЫЙ. Отнюдь. Ну, подожду ещё немного... Никуда он не денется... Наш клиент!

БЕЛЫЙ *(глядя вверх)*. Велико твоё милосердие, Господи! *(Крестится; ЧЁРНОМУ.)* За каждого стоит, до конца!

ЧЁРНЫЙ. Нашли за кого стоять! У вас, я скажу, тоже, далеко не всё по полочкам разложено. Обсдался Господь, обсдался!

БЕЛЫЙ. Да за такие речи!..

ЧЁРНЫЙ. Как пить дать, обсдался.

БЕЛЫЙ. А мы постараемся не подкачать! Как там у вас? Попытка, не пытка, а? *(Поворачивается к ВАТУЕВУ.)* Ну, милый, давай! *(Широко крестит его.)* Во имя Отца, Сына и Святаго Духа! Во имя Отца, Сына и Святаго Духа! Во имя Отца, Сына и Святаго Духа! Аминь!

Слышится колокольный звон.

Затемнение.

Колокольный звон переходит в хрустальный звон фужеров ОЛЬГИ и АНДРЕЯ.

АНДРЕЙ (*ставит фужер, оглядывается на ВАТУЕВА*). Надо его простить, мама.

ОЛЬГА. Прощай.

АНДРЕЙ. Нельзя, чтобы он умирал так...

Встаёт, подходит и присаживается перед ВАТУЕВЫМ, щупает его руку.

АНДРЕЙ. Холодная совсем... (*Гладит.*) Батянечка мой! Батяня...

ОЛЬГА. Даже пощечины ему не влепила. (*Отпивает вино.*) Ничего, похороню и за Аркадия выйду. Пусть порадуется за нас оттуда.

АНДРЕЙ. Он не порадуется. Он нас любил, мама.

ОЛЬГА. Даже не изменила ему ни разу.

АНДРЕЙ. Хорошо, что не изменила.

ОЛЬГА. А он? Он был грязный человек, Андрюша! И нас всех вымазал грязью.

АНДРЕЙ. Простим его, мама, простим!

ОЛЬГА. Пусть Бог прощает!

АНДРЕЙ. Нам тоже надо... Там, в станице, священник один... Он, мама, даже врагов прощает. А папа, он же — не враг нам... Мы же любили его... Правда?..

ОЛЬГА. Помолчи, Андрюша, помолчи!

АНДРЕЙ. Я понимаю... Тебе досталось... Ещё и я сбежал как дурак!

ОЛЬГА. Больше не сбежишь?

АНДРЕЙ. На войне, мама, тоска.

ОЛЬГА. А ты разве был на войне?

АНДРЕЙ. Нет, но близко... Мне хватило. (*Останавливается у тумбочки*). Зачем-то спички разбросаны...

ОЛЬГА. Это мы звезду выкладывали.

АНДРЕЙ. Ты учила его? Хотела, чтоб он поправился, да?

ОЛЬГА. Я много чего хотела.

АНДРЕЙ (*всматривается*). Это не звезда... Буквы...

ОЛЬГА. Буквы?

Встает, подходит к тумбочке.

АНДРЕЙ. «Андр» вроде... (*Догадывается.*) Я что ли?.. «Андр», мам!.. Это я!

ОЛЬГА (*вглядываясь*). Боже мой!.. Он понимал... Помнил! (*Подходит к ВАТУЕВУ, становится перед ним на колени.*) Милый мой, родной! Единственный! (*Плачет.*) Прости меня дуру глупую, прости!

АНДРЕЙ. Мама, мама!.. (*Опускается рядом с ОЛЬГОЙ, обнимает её, плачет.*)
Мамочка моя!.. Папочка!..

ОЛЬГА. Он всё понимал, всё помнил!..

АНДРЕЙ. Мы же так любили друг друга! Нам же так хорошо было вместе... хоть и без Ванечки...

Сидят, плачут.

ВАТУЕВ сильно дёргается.

Андрей испуганно вскакивает.

ОЛЬГА. Не бойся, сынок, не бойся...

Поднимается.

АНДРЕЙ. Он глаза открыл... Мама! Он смотрит! На нас! Точно!

ОЛЬГА (*склоняется над ВАТУЕВЫМ.*) Коля... ты нас видишь?

ВАТУЕВ (*разлепляет губы*). Да.

АНДРЕЙ (*сокрушает кого-то невидимого*). Он вернулся к нам, мама! Вернулся!

ОЛЬГА припадает к ВАТУЕВУ.

Стучит дверь, входит КАТЯ.

КАТЯ. Пожалуйста!.. Я должна побыть с ним! Пожалуйста! (*Испуганно.*) Он умер?!

ОЛЬГА (*не сразу*). Воскрес.

Встаёт, предоставляя ВАТУЕВА КАТЕ.

ВАТУЕВ. Родные мои... родные...

Плачет.

Затемнение.

Квартира ВАТУЕВА.

ВАТУЕВ (*на коленях*). Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. (*Крестится, кланяется.*) Господь Всемогуший! Укрепи слабые дух и силы мои. Помози всемилостиво послужить во славу Твою вечную и душ наших заблудших во спасение. Дай, Боже, силы, дай!

Крестится, кланяется, встаёт с колен.

АНДРЕЙ (*вошедший во время молитвы, начинает сосредоточенно пританцовывать*). Кришна, Кришна, хари Кришна! Хари, хари! Кришна, Кришна! Хари... (*Будто бы только заметив ВАТУЕВА.*) Извини, батя, я сейчас закончу. (*Пританцовывает.*) Хари, хари! Кришна, Кришна!

ВАТУЕВ. Спаси, Господи! (*Крестится.*) Я же просил тебя не заниматься этим... хотя бы при мне.

АНДРЕЙ. Во-первых, я тебя не заметил, во-вторых, у нас, кажется, свободное вероисповедание, в третьих...

ВАТУЕВ. ... ты это делаешь мне наперекор, в четвертых, имитируя свою преданность Кришне, ты оскорбляешь и себя, и меня, и Кришну, в конце концов.

АНДРЕЙ. Ты и Кришну пожалел? Ну, отец, растёшь! Скоро недосыгаемо возвысишься над всеми нами.

ВАТУЕВ. Это не так уж и трудно, учитывая... Впрочем, если что-то тебя раздражает во мне, скажи что, я постараюсь исправиться, поелику возможно.

АНДРЕЙ. Поелику... Это ты хорошо сказал...

ВАТУЕВ. Наверное, что-то я делаю не так, подскажи, научи... Я буду только благодарен...

АНДРЕЙ. Поелику возможно!

ВАТУЕВ (*резко*). Не цепляйся к словам!

АНДРЕЙ. О! Оказывается, грозен гнев праведный!

ВАТУЕВ. Прости! Я много читаю, и поэтому какие-то обороты...

АНДРЕЙ. Ничего! Ты, папочка, себя не сдерживай, поелику теперь только в нечаянных оборотах и проявляется твоя искренность.

ВАТУЕВ. Я искренен с тобой.

АНДРЕЙ. Надо только добавить.

ВАТУЕВ. Что добавить?

АНДРЕЙ. «Сын мой». Советую тебе, добавлять... (*Демонстрирует.*) Не цепляйся к словам, сын мой... Я искренен с тобой, сын мой... А я буду тебе отвечать: хорошо, отец мой, слушаюсь, отец мой!

ВАТУЕВ. Это было бы не так уж и плохо.

АНДРЕЙ. Безусловно, отец мой. Или, может быть, мне тебя лучше падре кликать?

ВАТУЕВ. Лучше обойтись без глупостей. Вот что... через полчаса я встречаюсь с Катей...

АНДРЕЙ. С Катей?

ВАТУЕВ. Но прежде я хотел бы поговорить с тобой. Видишь ли, до болезни я подписал один нехороший договор. Его теперь необходимо аннулировать. Одним словом, мне хотелось бы рассчитывать на вашу с мамой поддержку.

АНДРЕЙ. В каком смысле?

ВАТУЕВ. Во время болезни мать ввела Катю в состав учредителей...

АНДРЕЙ. Она думала, что Катя — твоя дочь.

ВАТУЕВ. Я не виню её. В тех обстоятельствах она действовала правильно, однако сегодняшний вопрос, вопрос по аннулированию договора, может решить только совет учредителей, в котором я уже фактически не состою.

АНДРЕЙ. Я тоже не состою. Я же учредитель фиктивный! И, насколько я знаю, эти мои тридцать процентов Аркаше принадлежат... по вашему с ним договору.

ВАТУЕВ. Лучше сказать, сговору. Ну так вот: именно этот сговор я и хочу поломать. Ты поддержишь меня?

АНДРЕЙ. Конечно, нет!

ВАТУЕВ. Ты даже не знаешь, в чём дело.

АНДРЕЙ. Не знаю! И не хочу знать. Ведь в случае солидарности с тобой это было вовсе необязательно, не так ли?

ВАТУЕВ. В этом нет никакой тайны и, напротив, лучше узнать. На «Серебряной» улице собираются строить культурно-развлекательный комплекс... А там уникальный дуб... О нём ещё Пушкин писал!

АНДРЕЙ. Златая цепь на дубе том? Не-е-е-ет! Не верю!

ВАТУЕВ. Чему не веришь?

АНДРЕЙ. Посмотрим, как ты после встречи с Катькой запоёшь!

ВАТУЕВ (*признаётся*). Я скоро в Святлов монастырь уйду, сынок. Навсегда уйду.

Входит ОЛЬГА — она слышит только последние слова.

ОЛЬГА. Никто никуда не уходит — обедать скоро. (*Оглядывает обоих.*) Что тут у вас? Опять религиозные распри?

АНДРЕЙ (*указывая на ВАТУЕВА пальцем*). Батя наш в монастырь собрался!

ОЛЬГА. Ты же только вчера ходил?

АНДРЕЙ. Не в храм, мама, не в церковь! А в монастырь! Навсегда! Монахом заделаться хочет! Кришна, Кришна, хари, хари... Понимаешь?

ОЛЬГА (*ВАТУЕВУ*). Ещё что нас ожидает... в ближайшем будущем?

ВАТУЕВ. Мне нужно уйти сейчас... У меня встреча... С Катей...

ОЛЬГА. Вот, значит, откуда монастырский ветер дует! Теперь понятно. Желаю устоять под могучим ураганом.

Уходит из комнаты.

АНДРЕЙ. Зачем?! Знаешь же, как она на Катюку реагирует! Нет, отец, такая правда, это — не честность, а подлянка! Если, по-нашему, по-мирскому!

Уходит.

ВАТУЕВ. Господи! Помоги мне, Господи!

Затемнение.

Офис ВАТУЕВА.

В качестве посетителя в предбаннике сидит БЕЛЫЙ.

ВАТУЕВ (*перед тем как войти в кабинет*). Это вы?.. Здравствуйте! (*Протягивает БЕЛОМУ руку.*) Рад вас видеть.

БЕЛЫЙ (*с готовностью вскакивает*). Здравствуйте!

ВАТУЕВ. Я был болен... А вы по тому же вопросу?

БЕЛЫЙ. Очередь занял, ага...

ВАТУЕВ. Я решу этот вопрос... обязательно! Вы не сомневайтесь!

Собирается войти в кабинет.

БЕЛЫЙ. Туда, это... шампанское понесли...

ВАТУЕВ. Шампанское? Ничего. Вы подождите, я скоро...

Уходит в кабинет.

АРКАДИЙ (*в одиночестве сидит за журнальным столиком*). Какие люди! (*Встаёт.*) Друг Микола... собственной персоной!

ВАТУЕВ. Хорошо, что ты здесь... А Катя?..

АРКАДИЙ. Катюшка закусь сочиняет на скорую руку. Повод имеется! (*Оглядывает ВАТУЕВА.*) Выглядишь ты, надо сказать, шикарно. Вот что значит жизнь праведная!

ВАТУЕВ. Уж какая там праведная.

АРКАДИЙ. Не пьёшь, не куришь, баб *(предостерегающе оглядывается)* тоже, небось, не употребляешь. Или появился уже зудец, а?

ВАТУЕВ. Перестань.

АРКАДИЙ. Нет, серьёзно, как другу, покайся по старой памяти? Не хочешь? Ну ты меня разочаровываешь! Ты, говорят, теперь и за стол не садишься, покудова молитву не сотворишь. Верно, что ли?

ВАТУЕВ. Мне поговорить нужно! Там человек сидит... *(Замолкает при виде вышедшей с подносом КАТИ.)* Здравствуй, Катя...

КАТЯ. Здравствуй... те... Николай Олегович...

АРКАДИЙ. Поднос-то не урони. Давай-ка я поставлю. *(Хочет забрать из рук КАТИ поднос.)* Даже побледнела вся... при виде бывшего... шефа.

КАТЯ. Я не уроню. *(Подходит, ставит поднос на журнальный столик.)* Так... Ещё фужер принести?..

ВАТУЕВ. Не нужно. Я, собственно, по делу... Нужно остановить этот проект на «Серебряной» улице. Мы не можем в этом участвовать. Нельзя!

АРКАДИЙ. Вот тебе раз! С чего бы это?

ВАТУЕВ. Это противоестественно! Насильственно против природы... против людей!..

АРКАДИЙ. Друг Микола *(тянется к бутылке)*, не говори красиво... *(Начинает откупоривать.)* Не знаю, в какую дурь ты нынче впал, но, к счастью, ничего уже остановить невозможно.

КАТЯ *(ВАТУЕВУ)*. Мы уже аванс получили.

АРКАДИЙ. В честь которого и собираемся выпить. *(Поднимает фужер.)* За трудовые успехи! Гип-гип, ура!

ВАТУЕВ. Надо вернуть аванс! Мы не будем делать этот проект!

КАТЯ. А что же мы будем делать?

АРКАДИЙ *(довольный вопросом)*. Знаешь, она очень способная девочка. И я с удовольствием буду её опекать. Да, Катюш?

ВАТУЕВ. С шампанским?

АРКАДИЙ. Взревновал! Значит, есть ещё порох в пороховницах.

ВАТУЕВ. Я не отступлюсь, Аркадий. Ты меня знаешь.

АРКАДИЙ. Да ни хрена я тебя не знаю и, если по честному, знать не хочу! К этому заказу ты уже не имеешь никакого отношения. Подпись на договоре её *(показывает на КАТЮ)* и всё остальное тоже — наши с ней проблемы. *(Поднимает фужер.)* Да, Катюш? *(Тянет к ней фужер.)* Ты ведь не откажешься от своей подписи?

КАТЯ. Безусловно!

Чокается с АРКАДИЕМ.

АРКАДИЙ. А с тобой, мил-друг, я вообще никаких больше дел иметь не собираюсь. Не надежным ты человечком оказался. Извини, но факт есть факт. Мы тут, пока ты в соплях своих валялся, посмотрели с Катюшей бумаги, и, должен прямо тебе сказать, много чего за тобой обнаружили, точнее, не обнаружили. Не аккуратно ты вёл наши дела, братец, не аккуратно!

ВАТУЕВ. Возможно. Только ты свою долю практически всегда наперёд брал.

АРКАДИЙ. Потому и брал, что предчувствовал... Но кое-что и в общем котле оставлял вариться... И где же оно всё? Выкипело?

ВАТУЕВ. Предъяви счёт.

АРКАДИЙ. Мне твою жену жалко.

ВАТУЕВ. Очень жалко?

АРКАДИЙ. Свинья! Да пока ты идиотом прикидывался, я...

ВАТУЕВ. Предъяви счёт, я сказал! А если ещё пасть свою поганую разинешь!..

Замолкает.

АРКАДИЙ. Да-а... Рано тебе в святые угодники записываться, рано. Обуян ты ещё гордыней... и вообще... (*Встаёт.*) Рад был повидаться, Катрин. (*ВАТУЕВУ.*) Я тебе такой счёт выставлю!..

ВАТУЕВ. Подожди! Подожди, Аркаша... Я виноват... безусловно... Перед всеми вами виноват! И мне поговорить со всеми вами надо... Спокойно поговорить, мирно... Приходите сегодня вечером... на совет!..

АРКАДИЙ. О чём? О чём с тобой советоваться? Ты уже никто, — понял? — никто!

КАТЯ. Аркадий Семёнович!.. (*Опускает голову.*) Может, придём?..

ВАТУЕВ. Прошу вас! Очень!

АРКАДИЙ. Ладно! Забили стрелку. (*КАТЕ.*) А ты держи оборону. Святоши — народ коварный!

Уходит.

Тотчас же входит ЧЁРНЫЙ.

ВАТУЕВ отворачивается.

ЧЁРНЫЙ. Разрешите Екатерина Николаевна? Говорят, вроде как получить можно, так сказать, честно причитающееся... за труды, значит, наши скромные...

Потирает руки.

КАТЯ. Да-да, сейчас...

Отходит к столу.

ЧЁРНЫЙ. Ба! Николай Олегович! Вот уж кого не ожидал! Вы, говорят, приболели немножечко? Как оно теперь, наше драгоценное?

ВАТУЕВ. Спасибо. (*Показывает на вход.*) Там в приёмной ещё сидит?.. Простоватый такой?..

ЧЁРНЫЙ. Референт-то мой? Сидит!

ВАТУЕВ. Референт? Вы путаете...

КАТЯ (*подавая конверт*). Вот, пожалуйста...

ЧЁРНЫЙ (*беря конверт*). Огромное вам спасибо! (*ВАТУЕВУ.*) Ничего не путаю — референт! Простоват, конечно, это вы верно отметили... Никак не приучу одеваться прилично. Однако ничего, старательный, даже «эс» выучился прибавлять-с... (*КАТЕ, показывая конверт.*) Я, с вашего позволения, сочту-с... в сторонке-с... для порядку-с...

КАТЯ. Да-да, пожалуйста-с... Ой, извините...

ЧЁРНЫЙ отходит считать деньги.

ВАТУЕВ. Референт!..

Выходит в приёмную.

БЕЛЫЙ вскакивает.

ВАТУЕВ (*в открытую дверь показывает на ЧЁРНОГО*). Вы служите у этого человека?

БЕЛЫЙ (*вытягивает руки по швам*). Служу-с!

ВАТУЕВ. Как же можно?

БЕЛЫЙ. Дети малые... голодом мрут-с.

ВАТУЕВ. Но так же мы не выстоим! Никогда!

БЕЛЫЙ. Деток жалко-с. Папа, говорят, кушать дай-с?

ВАТУЕВ. Вы же сами говорили: во имя Отца, Сына и Святага Духа!

БЕЛЫЙ. Аминь.

ВАТУЕВ. И это всё, что вы можете сказать?

БЕЛЫЙ. Необоримо зло.

ВАТУЕВ. Нельзя, нельзя падать духом! Надо стоять! Будет трудно, невыносимо, но... другого пути нет! Вы меня понимаете?

БЕЛЫЙ. Мяса надо, рыбки-с надо... То да сё-с... Витаминов не хватает-с...

ВАТУЕВ. Я всё равно остановлю эту сделку!

Решительно входит в кабинет, останавливается перед считающим деньги ЧЁРНЫМ.

ВАТУЕВ. Послушайте, вы!..

ЧЁРНЫЙ (*отрываясь от пересчёта*). Ничего не понимаю! (*КАТЕ.*) Даже не знаю как сказать... Боюсь, неувязочка вышла...

КАТЯ. Что такое? У вас не хватает?

ЧЁРНЫЙ. Не хватает... Только, пардон, у вас...

КАТЯ. Не может быть! Я дважды пересчитывала.

ЧЁРНЫЙ. А я так трижды уже... Да вот извольте сами счесть! (*Подает КАТЕ деньги. Обращается к ВАТУЕВУ.*) Вы что-то имели мне сообщить?

ВАТУЕВ. Имели! (*КАТЕ.*) Ну, что там у тебя?

КАТЯ. Не хватает...

ЧЁРНЫЙ. Я же говорю!

КАТЯ. Трёхсот долларов не хватает. Не понимаю?.. (*ЧЁРНОМУ.*) Ради Бога извините, я не понимаю, как так вышло... Дважды пересчитывала, дважды!

ЧЁРНЫЙ. Может, покрал кто? У нас ведь в стране крадут.

КАТЯ. Ну что вы?!

ЧЁРНЫЙ. Крадут, крадут! Уверю вас!

ВАТУЕВ (*КАТЕ*). Посмотри в столе!

КАТЯ. Там нет. (*Выдвигает ящик.*) Были... Но я всё маме отдала... на стиральную машину. (*ЧЁРНОМУ.*) Вы не могли бы прийти завтра?

ЧЁРНЫЙ. С превеликим удовольствием. Всё-таки триста долларов это, знаете ли, деньги...

КАТЯ. Конечно, деньги! Не понимаю даже, как я ошиблась? Ладно бы на одну бумажку, а то на целых три?

Входит конфузливо БЕЛЫЙ. Стоит бессловесно, ждёт.

ЧЁРНЫЙ (*удивлённо*). А тебе чего?

БЕЛЫЙ. Ничего-с. Жду-с... ваших приказаний-с...

ЧЁРНЫЙ. Да разве тебе здесь ждать указано, болван?

БЕЛЫЙ. А разве не звали-с? Нет-с?..

ЧЁРНЫЙ. Пшёл вон, кретино!

ВАТУЕВ. Как вы с человеком обращаетесь?

ЧЁРНЫЙ. Да какой он человек? Антисемит махровый! *(БЕЛОМУ грозно.)* Так?! Антисемитствуешь?

БЕЛЫЙ *(пятится)*. По недомыслию молодости... от избытка тёмных чувств-с...

ЧЁРНЫЙ. Каналья русофильская! Но погоди-ка... На воре, говорят, шапка горит... Уж не ты ли покрал наши доллары?

БЕЛЫЙ. Креста на вас нет за такие слова.

ЧЁРНЫЙ. Это, положим, абсолютно верно, лишних аксессуаров не ношу. Но ты на вопрос отвечай, негодник... Покрал?

БЕЛЫЙ. Господь с вами! Да как вы подумать могли такое?

ЧЁРНЫЙ. Отчего же мне не подумать такое? И почище тебя люди крали, а многие так и до сих пор крадут.

БЕЛЫЙ. Помилуйте! Христом Богом прошу!

ВАТУЕВ. Перестаньте, перестаньте! Это чёрт знает что! *(ЧЁРНОМУ.)* Он же, в конце концов, в предбаннике сидел!

ЧЁРНЫЙ. Ни о чём не говорит! У вора руки длинные. Да и счастливая минутка могла выпасть, когда, положим, Екатерина Николаевна по малой нужде отлучалась.

КАТЯ. Я не отлучалась.

ЧЁРНЫЙ. Но и ошибиться не могли! На целых три сотенных. Каково? *(БЕЛОМУ.)* Выворачивай карманы, милейший... Без разговоров!

БЕЛЫЙ *(выворачивает карманы брюк и, держа их, опускается на колени)*. Уповаю на милость вашу!

ЧЁРНЫЙ. Без разговоров, я сказал! Так, а здесь у нас что? *(Запускает руку за пазуху БЕЛОМУ и вытаскивает купюры. ВАТУЕВУ и КАТЕ.)* Ведь когда сказано: не укради?! И всё одно — крадут! *(БЕЛОМУ.)* Ах ты проказник! Ах ты негодник этакий! Ах ты мурло неблагодарное! Вот тебе за это! Вот тебе! И ещё раз вот!

Хлещет БЕЛОГО купюрами по носу.

БЕЛЫЙ. Ни сном, ни духом, ни сном, ни духом!..

ЧЁРНЫЙ. У хозяина крадёшь? Барыши трудовые?

Хлещет БЕЛОГО.

ВАТУЕВ. Перестаньте!

Вырывает у ЧЁРНОГО деньги, отдаёт их КАТЕ.

КАТЯ. Это его!

Отдаёт деньги ЧЁРНОМУ.

ЧЁРНЫЙ. Благодарствую! *(БЕЛОМУ.)* А если бы я не пересчитал? Если бы на другой день хватился? Мне бы и не поверил никто! Екатерина Николаевна первая сказала бы: «Считайте деньги, не отходя от кассы!», — и была бы абсолютно права!

КАТЯ. Я дважды пересчитывала...

ВАТУЕВ (*БЕЛОМУ*). Как же вы могли?.. Это же... низко!

ЧЁРНЫЙ. Детки, говоришь, голодом мрут-с, детки-с? На тебе за это, на! (*Хлещет БЕЛОГО по носу.*) Премияльных не дам! Из зарплаты вычту!

ВАТУЕВ. Перестаньте же! (*КАТЕ.*) Не могу поверить... Это фарс какой-то!

КАТЯ. Я и не выходила никуда. Да и, вообще, я кабинет запираю...

ЧЁРНЫЙ. От народа не запрёшься, не скроешься! Всюду достанут!

ВАТУЕВ. Я понял! Это провокация! (*КАТЕ.*) Никто этих денег не брал. Это обыкновенная ловкость рук! Понимаешь? (*БЕЛОМУ.*) Ну а вы-то, — гордый, сильный человек! — почему молчите, почему подыгрываете этому?

БЕЛЫЙ. Бог правду видит.

ЧЁРНЫЙ. Ну уж пошутить нельзя!

КАТЯ. Так это шутка?

ЧЁРНЫЙ. Розыгрыш, дружеский шарж, так сказать... для невинной потехи.

БЕЛЫЙ. Они-с шутки-с любят.

ВАТУЕВ. Так вы заодно?

Хватает ЧЁРНОГО и БЕЛОГО за шивороты и выталкивает в прихожую, возвращается.

ВАТУЕВ. Шутники нашлись!

КАТЯ (*идёт к ВАТУЕВУ*). Я люблю тебя такого! (*Припадает к нему.*) Наконец-то, наконец-то!

ВАТУЕВ. Подожди, Катя... Я не для этого пришёл...

КАТЯ. Не для этого?..

ВАТУЕВ. Надо отказаться от проекта.

КАТЯ. А-а-а... (*Отходит, садится за стол.*) Вам ведь уже всё объяснили, Николай Олегович...

ВАТУЕВ. Аванс я верну, всё верну!.. Продам машину, дачу...

КАТЯ. Ты больше не любишь меня? Нет?

ВАТУЕВ. Не надо спрашивать... Кончилось всё! Навсегда.

КАТЯ. Неужели ты не любишь меня? Неужели? (*Выходит из-за стола.*) Это же я, твоя Катя... Смотри на меня! Это — я!

ВАТУЕВ. Не хочу смотреть... не надо... Ты мой грех, Катя! Я теперь точно знаю, грех!

КАТЯ. Я — грех? Я — любовь твоя! Я — твоя Катя!

ВАТУЕВ. Нам знак был! Грозный знак! Чтобы мы расстались, не оскверняли...

КАТЯ. Но мы же не осквернили? Ты — не отец! Я — не дочь...

ВАТУЕВ. К счастью! К великому счастью, Катя!

КАТЯ. Вот именно! К счастью! (*Припадает к ВАТУЕВУ.*) Родной мой! Любимый!

ВАТУЕВ. Я в монастырь ухожу. Навсегда!

КАТЯ. Ну что ты придумал? Какой монастырь? Ты же ещё не поправился... Ещё не окреп... Тебе нужен отдых... Хочешь, уедем куда-нибудь... в тёплые края?.. Мне это сейчас тоже нужно... Я так ждала тебя... скучала... Это такое счастье, что ты опять есть! Ты даже не представляешь, какое это счастье! Тебя Бог мне вернул! Я просила... Он и вернул!

ВАТУЕВ. Он меня не для того вернул! Бог дал мне милость замолить мои грехи. Я виноват перед тобой... Я страшно виноват... Перед всеми!.. Но больше всех перед Господом... Господи! (*Отталкивает КАТЮ, крестится.*) Дай мне силы не обмануть Тебя! (*КАТЕ.*) Отпусти меня с миром, отпусти!..

КАТЯ. Ко мне Аркаша пристаёт. В постель тянет.

ВАТУЕВ. Нельзя грешить! Мы с тобой грешники, Катя! Страшные грешники!..

КАТЯ. Я — нет. Ну, что ты смотришь? Нет! *(Смеётся.)* Честно говорю! Вот узнаешь!..

ВАТУЕВ. Глупая, глупая! Я в монастыре молиться буду... За тебя, за всех вас... Отпустите меня с миром! Пожалуйста!..

Открывается дверь, входит ВАЛЯ.

ВАЛЯ. А чтой-то у вас валяются в приёмной? Дерутся ли, борются? Ой!

Отскакивает.

Вкатываются переплетённые друг с другом БЕЛЫЙ и ЧЁРНЫЙ.

БЕЛЫЙ. Противоборствует, гад ползучий!

ЧЁРНЫЙ. Не поддаётся, ядрена вошь!

Катаются по полу.

ВАЛЯ. Я, что, прибежала-то... *(КАТЕ.)* Понравилась одна... полный автомат! Сама сушит, сама отжимает... фирма Бош. Ой! *(Отскакивает от подкатившихся ЧЁРНОГО И БЕЛОГО и наступает на ВАТУЕВА и КАТЮ.)* А вы чего опять вместе? *(Грозно.)* Опять за старое принялись, да?

ВАТУЕВ. Мы не вместе. *(КАТЕ.)* Приходи в семью... обязательно!.. Я говорить с вами со всеми буду...

Перешагивает через катающихся по полу БЕЛОГО и ЧЁРНОГО и уходит.

ВАЛЯ. Чего это он говорить будет? А приходил зачем? Ну-ка, отвечай?!

КАТЯ. Сказал, что в монастырь уходит.

ВАЛЯ *(подозрительно)*. В монастырь?

КАТЯ. В монастырь.

ВАЛЯ. Ну и пусть себе идёт! Брать-то, спрашиваю, будем, нет?

КАТЯ. Он не уйдёт.

ВАЛЯ. Да и чёрт бы с ним совсем! Видеть его живого не могу! Я про машину спрашиваю: берём?

КАТЯ. Берём.

ВАЛЯ. И я так думаю! Эх, одна живём, доча! Ой! *(Отпрыгивает от катающихся тел.)* А с этими, борцами, что делать?

КАТЯ. Не знаю...

ВАЛЯ. Да ведь нехорошо... Войдёт кто, а они катаются... *(Склоняется над борцами.)* А ну-ка, давайте-ка отсюда, выкатывайтесь! Ишь, переплелись как! *(Выкатывает тела, выпрямляется.)* В монастырь, значит? Надо же... Ещё и священником станет... Колян-то наш, батюшка... Ой! Побегу я... Очередь пройдёт...

Уходит.

КАТЯ. Не станет священником... *(Мечтательно.)* Не станет, нет!

Счастливо и уверенно смеётся.

Затемнение.

Квартира ВАТУЕВА.

Вовсю грохочет тяжёлая рок музыка. АНДРЕЙ лежит на диване и, похоже, спит. Вошедший ВАТУЕВ наблюдает эту картину, затем подходит и выключает магнитофон.

АНДРЕЙ (*просыпаясь и садясь*). Я заснул, что ли? Бррр! (*Трясёт головой и телом.*) А мама не пришла?

ВАТУЕВ. По всей вероятности, нет.

АНДРЕЙ. Она на кладбище ушла.

ВАТУЕВ. На ночь-то глядя?

АНДРЕЙ. Да я ей тоже говорил!.. (*Встаёт, разминается, наносит сокрушительный удар.*) Она сразу за тобой ушла... (*Наносит удар.*) Он, наверное, лучше меня был...

ВАТУЕВ. Кто?

АНДРЕЙ. Ванечка.

ВАТУЕВ. Ты тоже неплохой.

АНДРЕЙ. Неплохой! А хочется хорошим быть, что-то настоящее, путное сотворить! А что? На войне уже был... неинтересно.

ВАТУЕВ. Знаешь, есть такое выражение: «делай, что должно, и будь что будет!». Если при этом о Боге помнить, то для человека это путь!

АНДРЕЙ. А как узнать что должно? Много ведь всего...

ВАТУЕВ. Человек всегда знает, когда поступает во зло. Бог предупреждает нас... через совесть нашу... Чуть что не так, она уже щемит. Послушайся её и пойдёшь в другую сторону.

АНДРЕЙ. Что ж ты раньше не шёл?

ВАТУЕВ. В Бога не верил. Вроде, как и не было Его надо мной.

АНДРЕЙ. А сейчас есть?

ВАТУЕВ. Есть, Андрюшенька, есть! Это я тебе как отец сыну говорю. И запомни: ничего я тебе не дам, ничего я тебе не оставлю, но это знание, веру мою — прими! Есть, Бог, сынок, есть! Свидетельствую! (*Крестится.*) И оставь ты своё кришнаитство... прошу тебя, оставь!

АНДРЕЙ. Легко! Это же я просто так, бать, дурачусь...

ВАТУЕВ. Не нужно дурачиться, сынок... Я вот тоже всё дурачился, дурачился...

АНДРЕЙ. Вообще-то, я хотел бы немного подурачиться... Ну, не так, конечно, как ты! У тебя уж как-то чересчур круто всё получалось...

ВАТУЕВ. Упаси, Господи! Знай, Андрюша, чернее твоего отца нет на белом свете!

АНДРЕЙ. Ну что ты, в самом деле, бать! Что ты убийца, что ли?

ВАТУЕВ. И убийца! Да-да! Ударил я одного... Давно это было... Он упал, головой о рельс... затылком... Тук! До сих пор этот «тук» слышу.

АНДРЕЙ. Ну и что? Полежал-полежал и поднялся.

ВАТУЕВ. Не знаю. Я сбежал. При мне не поднялся.

АНДРЕЙ. Просто так человека не убьёшь... Знаешь, как тумкнуться надо, чтобы копыта отбросить! Человек, папа, природой защищён, не слишком, правда, сильно, но всё же достаточно, чтобы очень приличный удар выдержать. А у тебя, папа, и удара настоящего, наверное, никогда не было. Тебе ведь удар не ставили, нет?

ВАТУЕВ (*про себя*). В монастыре поживу... А Бог даст и останусь навсегда.

АНДРЕЙ. А как же мама? Я?

ВАТУЕВ. Проживёте... с Божьей помощью.

АНДРЕЙ. Да что ты всё на Бога взваливаешь? Знаешь, сколько она перенесла из-за тебя, знаешь?!

ВАТУЕВ. Андрей...

АНДРЕЙ. На меня тебе наплевать, это ясно! Но мама, мама?!

ВАТУЕВ. Вы должны понять... Тяжело мне здесь... С вами, тяжело!

АНДРЕЙ. Конечно! На иконы тебе легче глядеть, чем живым людям в глаза!

ВАТУЕВ. И вам будет тяжело со мной... Уже тяжело...

АНДРЕЙ. Без лирики! Собрался линять, линяй! Не держим! Только знай: фирму я не отдам!

ВАТУЕВ. Что, значит, не отдам? Я не понял?..

АНДРЕЙ. А нечего и понимать! Я тут пораскинул... Это же наша фирма! Чего её чужим людям отдавать? Сам бизнесовать буду!

Входит ОЛЬГА.

ОЛЬГА. Извините, я не подслушивала... просто у вас слишком громкий разговор...

АНДРЕЙ. А тайны никакой нету. Чего шифроваться? Хочу забрать фирму! С Аркашой и Катькой, конечно, расплачусь.

ВАТУЕВ. Не в этом дело...

АНДРЕЙ. Есть и другой вариант: мамахен выходит замуж за Аркашу, и всё тип-топ! Ты, папочка, в Святове монастыре свои грехи отмаливаешь, а мы семейный бизнес крутим. А если я ещё и на Катьке при этом женюсь, тогда вообще клёво будет! Иес!

ОЛЬГА. Прекрати!

АНДРЕЙ. А чего?! Расклад, по-моему, реальный.

ВАТУЕВ. Я же у вас помощи прошу! Этот проект — зло! Явное, неприкрытое! Мы все это хорошо знаем. Значит, мы должны остановить его. Это наш долг!

ОЛЬГА. И что изменится? Рухнет только фирма, и мы все вместе с ней.

АНДРЕЙ. Он-то не рухнет, он в монастыре скроется! Со спокойной душой и за высокими стенами!

ВАТУЕВ. Я ведь не в санаторий собрался! Это же труд! Каторжный!

ОЛЬГА. Сам — в монастырь, а нас — по миру... Хорошо распорядился... Спасибо!

ВАТУЕВ. Родные мои! Любимые! Поймите! Кончился мой путь, бесславно кончился, позором! Ты прав, сынок, тяжело мне в глаза вам смотреть, на иконы легче! Вот и буду Богу служить. Ничего не хочу больше... Претит мне мирское, претит!

ОЛЬГА. Ты и с ней так разговаривал?

ВАТУЕВ. С кем?

ОЛЬГА. Ты ведь понял, о ком я? Сразу понял. Разве не так? Отвечай!

ВАТУЕВ. Так, Оля, так.

ОЛЬГА. Что же тогда переспрашиваешь?

ВАТУЕВ. По привычке, Оля.

ОЛЬГА. Тяжело было? Только не переспрашивай!

ВАТУЕВ. Нелегко.

ОЛЬГА. И про монастырь ей сказал?

ВАТУЕВ. Сказал.

ОЛЬГА. И что же, отпустила она тебя?

ВАТУЕВ. Меня теперь никто не удержит, Оля. Даже вы с Андрюшей.

ОЛЬГА. Что мы тебе с Андрюшей? Главное, она!

ВАТУЕВ. Нет! Для меня теперь не это главное.

АНДРЕЙ. Бог!

ВАТУЕВ. Бог, сынок. Бог!

ОЛЬГА. Если так, грех тебя на этом пути останавливать... Но, если ты от неё бежишь за стены за монастырские, то, знай: не держу я тебя... Ступай к ней, если хочешь... Ступай! И не оглядывайся.

Уходит.

АНДРЕЙ. А если она, правда, за Аркашу выйдет? Тогда что? Тебе это тоже... по фигу?

ВАТУЕВ. Как же трудно Христу было... Когда в таком деле малом... Господи, как же трудно!

АНДРЕЙ. Кришна, Кришна!.. *(Уходит, останавливается, кричит.)* Ну вот подгребут они сейчас, в кресла усядутся! Аркаша сюда... *(Приглашает.)* Проходи, дядя Аркаша, садись... *(АРКАДИЙ проходит и садится.)* Катька сюда... *(Приглашает.)* Давай, двигай, Катюш... не стесняйся! *(КАТЯ проходит и садится.)* Мам! *(Приходит ОЛЬГА.)* Всё! Собрались мы все званые. В сборе! И что скажешь нам, отче? Что мы должны зло останавливать? Да ведь про это все знают! Со времён Христа твоего, а может, ещё и раньше! Только почему-то никто ещё от своей выгоды не отказался, последней рубахи не отдал. Мы же не святые, папа! Мы грешные! Жадные, злые! И хорошими только притворяемся, а быть не хотим!

ВАТУЕВ. Хотим, сынок, хотим! Не стараемся только!.. К Богу ведь тянуться надо! Всей душой, всем сердцем, всеми помыслами своими! Бог ведь...

АРКАДИЙ. Ну!.. *(Встаёт.)* Лично я сюда не проповеди пришёл слушать, и тем более — не от тебя, друг Микола.

ОЛЬГА. Да! *(Тоже встаёт.)* Давайте ближе к делу. Только сначала я всё же хочу сказать... *(ВАТУЕВУ.)* Когда ты, Коля, нас всех обманывал, почему-то даже легче было... А замуж я не выйду, не бойся.

КАТЯ широко улыбается.

ОЛЬГА. Чему ты улыбаешься?

КАТЯ. Торкнулся! *(Прикладывает руку к животу.)* Ножкой — толк!..

АНДРЕЙ. Кто?

КАТЯ *(радостно)*. Ребёночек наш с Николаем Олеговичем!

Среди повисшего молчания вбегает запыхавшаяся ВАЛЯ.

ВАЛЯ. Сохранила?! Ах ты, паршивка упрямая! А если бы он издох?! *(показывает на ВАТУЕВА)* Ведь по крайнему счастью из могилы выскочил! *(Падает на колени.)* Олечка! Подруженька моя золотая, прости! Не доглядела! *(Озирается.)* Полковника моего не видали, а? Олечка!..

ВАТУЕВ. Ребёночек?!

КАТЯ. Маленький такой, беспомощный... Его нам с вами Бог послал. Чтобы мы о нём заботились, растили чтоб, воспитывали...

ВАТУЕВ. Нет!

Хватается за голову и падает в кресло.

КАТЯ. Да. Да! *(Поддерживая быстро растущий живот, выходит на авансцену.)*
Да!

Гаснет свет. В темноте звучит крик новорождённого. Свет загорается.

БЕЛЫЙ и ЧЁРНЫЙ выкатывают Древо Жизни, к толстому стволу которого цепями приторочен одетый в детскую распашонку ВАТУЕВ. Он раскрывает рот, и снова звучит крик новорожденного.

БЕЛЫЙ. Сказать ещё ничего не умеют, а уже кричат.

ЧЁРНЫЙ. Пускай себе кричат, нам не жалко.

В руках его тасуется чёрно-белая колода, которую он протягивает ВАТУЕВУ.

ВАТУЕВ тянется к ней, но ЧЁРНЫЙ только дразнит, не отдаёт. ВАТУЕВ кричит, плачет, и все с погремушками, с урлюлюканьями и прочими человеческими глупостями выходят утешать его.

